ПРИВЕТ РЕВОЛЮЦИОННОЙ МОЛОДЕЖИ МИРА ОТ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ!

ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ 31 АВГУСТА 1934 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Литературная газета

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР и РСФСР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Э. БАГРИЦКОГО А. БОЛОТНИКОВА, М. КОЛЬЦОВА, В. ЛИДИНА, А. СЕЛИВАНОВСКОГО, И. СЕЛЬВИНСКОГО, М. СУБОЦКОГО, М. СЕРЕБРЯНСКОГО, М. ЧАРНОГО, Е. УСИЕВИЧ.

МОСКВА. КОЛОННЫЙ ЗАЛ ДОМА СОЮЗОВ

№ 116 (432) | 1 СЕНТЯБРЯ 1934 ГОДА | Цена 20 коп.

ДВАДЦАТЫЙ

Сегодня, в XX Международный юношеский день, миллионы революционной молодежи всего мира будут демонстрировать свою боевую готовность на борьбу против капитализма, против фашизма, за мировую пролетарскую революцию.

Молодые рабочие и крестьяне всех стран, где господствует капитализм, об'единенные пламенными идеями коммунизма, мужественно борются под знаменами пролетарской революции. Сколько подлинного героизма, революционной энергии, преданности делу пролетариата, смелости, храбрости и веры в свое дело в работе молодых коммунистов, комсомольцев, трудящейся молодежи Китая и Германии, Польши и Болгарии и других стран! Какую неиссякаемую силу пролетарской революции и социалистического строительства представляет великолепная молодежь нашей Советской страны, проявляющая во всех областях—начиная от производства и техники и кончая философией и искусством — огромную творческую инициативу, широчайшую общественную деятельность, высокое понимание своих революционных обязанностей.

Посмотрите лозунги, опубликованные ЦК ВЛКСМ к XX международному юношескому дню, лозунги, определяющие боевые задачи комсомольцев и всей трудящейся молодежи. В этих лозунгах выражен поистине революционный размах работы нашей молодежи, всесторонность ее деятельности, ее интересов: производство, колхозы, железнодорожный транспорт, животноводство, легкая кавалерия, марксистско-ленинская теория, спорт, математика, физика, химия, история, литература, география, иностранные языки—таковы проблемы советской молодежи. Среди этих лозунгов имеется лозунг, непосредственно обращенный к нам, советским писателям.

«Привет нашим советским писателям! Привет первому мастеру литературы, передовому борцу за социалистическую культуру — Алексею Максимовичу Горькому! Больше книг, рождающих ненависть к врагам социалистической родины, больше книг, отображающих радость нашей борьбы и героев нашей стройки!»

В лице советской молодежи, рабочих, колхозников, вузовцев, рабфаковцев, комсомольцев наши писатели и поэты всегда имели своих лучших читателей и помощников. Вспомните, как живо откликаются они на произведения нашей литературы, какую бурю горячих споров, дискуссий подымают они по поводу той или иной книги.

На адрес первого всесоюзного с'езда писателей поступили и продолжают поступать сотни писем от молодых рабочих и колхозников с горячими призывами писать «больше книг, отображающих радость нашей борьбы и героев нашей стройки», с указаниями недостатков, с тысячами предложений.

Советская молодежь уважает и любит своих писателей и поэтов и рассматривает их дело, как свое родное и кровное дело.

К большому сожалению надо признать, что молодежь, ее лучшие представители, герои заводов и строек, колхозов и вузов, молодые энтузиасты — бетонщики с Днепростроя, металлисты Москвы и Ленинграда, горняки Донбасса, конюхи и бригадиры колхозных полей не являются еще живыми полноценными героями наших произведений. То, что сделано в ряде книг, не дает еще полноценного образа комсомольца и молодого рабочего—в лучшем случае писатели и поэты наши дают только наброски, эскизы портретов нашей молодежи. Многих советских художников поражают качества юношей и девушек Советской страны — они видят в них людей цельных, жизнерадостных, целеустремленных, энергичных, имеющих так мало сходства с молодыми людьми XIX века. И многие из них начинают работать над образом этих людей, показывая их новые социальные черты, новые моральные, эстетические, физические качества.

Наша молодежь должна стать одной из центральных тем советской литературы. Изображая молодежь, ее огромную работу, ее новое мировоззрение, чувства, понятия, литература поднимется на высшую ступень своего развития.

Но смешно было бы думать что советская молодежь выступает лишь в качестве пассивного материала художественного изображения. **Она является активным участником советской литературы.**

Только вчера на с'езде писателей были во всю ширь поставлены вопросы работы с молодыми писателями и литературно-массового движения.

Нет ни одного завода, ни одного колхоза, ни одного вуза, где бы не было начинающих молодых писателей, поэтов, драматургов, литкружковцев. Литературное движение в нашей стране является поистине массовым, и среди маститых мастеров слова насчитывается много писателей из «начинающих», прогрессирующих в своем художественном творчестве, переходящих в высший класс художественного мастерства.

Лучшим ответом на призыв комсомольцев к писателям в XX Международный юношеский день будет усиление помощи этим молодым писателям и десяткам тысяч литкружковцев, подлинное ,а не поверхностное показное руководство ими.

Свою радость, бодрость, веселье, борьбу, свой пафос утверждения и строительства новой жизни юноши и девушки нашей страны хотят выразить в песнях, поэмах, пьесах, в художественных произведениях. И «сложившиеся», «признанные» писатели и поэты должны им в этом помочь.

Сегодня — праздник трудящейся молодежи всего мира.

Сегодня молодые рабочие капиталистических стран выйдут на улицу со знаменами, на которых пламенеют лозунги героической борьбы за диктатуру пролетариата, за освобождение трудящегося человечества, за коммунизм.

Сегодня на Красной площади, мимо мавзолея Ленина пройдут сотни тысяч юношей и девушек, демонстрирующих силу, мощь, красоту освобожденного человечества.

Горячий привет советских писателей мировому комсомолу!

Пламенный привет героическим коммунистам и комсомольцам Германии, Японии—всем мужественным борцам против фашизма, против поджигателей новой войны!

Да здравствует советская власть во всем мире!

Да здравствуют комсомольцы и комсомолки—достойные сыны и дочери нашей матери — Всесоюзной коммунистической партии!

ПОД ФЛАГОМ СОВЕТОВ, ПОД ФЛАГОМ СОЦИАЛИЗМА

РЕЧЬ ЗАВЕДУЮЩЕГО ОТДЕЛОМ КУЛЬТУРЫ И ПРОПАГАНДЫ ЛЕНИНИЗМА ЦК ВКП(б) тов. А. И. СТЕЦКОГО

С'ЕЗД—БОЛЬШОЕ СОБЫТИЕ В НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЕ

С'езд советских писателей проходит с исключительным успехом и окружен большим вниманием нашей страны.

Еще несколько месяцев тому назад находились люди, сомневавшиеся, следует ли вообще собирать этот необычайный с'езд, выйдет ли из него что-либо. Даже накануне с'езда были такие разговоры.

Но вот с'езд открылся. С'езд двинулся. Он взял огромный разбег. Сейчас мы уже находимся на тринадцатом дне этого с'езда, а между тем ни наш уважаемый председатель, ни флегматичный член президиума т. Демьян Бедный, ни хлопотливый Борис Пастернак — никто не знает, как сейчас остановить этот с'езд, такую уйму творческих вопросов он поднял, такую творческую энергию он развил в своем ходе.

С'езд, несомненно, явится и является уже сейчас огромным событием в нашей литературе. Все чувствуют, писатели особенно, что после с'езда литература станет иной, она поднимется на новую ступень. И будущий историк литературы конечно будет вести литературное летоисчисление от и до 1-го с'езда советских писателей. **(Аплодисменты).**

Товарищи! На этом с'езде писатели всех народов Советского союза. Здесь собрались представители самой квалифицированной интеллигенции народов Советского союза. Они пришли сюда, на с'езд со всеми вопросами, которые их волнуют. На самом с'езде — и в докладе **Алексея Максимовича**, и в докладах представителей отдельных республик Союза ССР—был выпукло представлен

весь тот богатейший опыт, все то культурное наследие, которое имеется в наших республиках. С'езд воочию показал, что в нашей братской семье живут народы, которые столетиями и тысячелетиями исчисляют свою культуру. Мы выйдем, несомненно, обогащенные с этого с'езда.

Уже до с'езда была проведена большая работа по ознакомлению с литературой народов Советского союза. Но из того, что мы услышали на с'езде, можно сказать, что мы находимся только в начале этой большой работы по ознакомлению и сближению писателей народов Советского союза друг с другом, по ознакомлению писателей со всей той многообразной богатой культурой народов Советской страны, широкое и отчетливое представление о которой дает первый с'езд советских писателей.

Здесь выступали представители разных народов Советского союза, представители различных литературных течений. Все они по-своему, на свой литературный лад, ставили творческие вопросы. Но всех их об'единяло одно, все их выступления вращались вокруг того, за что борется наша страна,—вокруг **дела социализма.**

Мы можем с полным правом сказать, что этот с'езд, на который собрались представители лучшей части интеллигенции народов Советского союза, имеет крупнейшее **политическое** значение, ибо этот с'езд **оформляет и закрепляет уже давно начавшийся процесс об'единения интеллигенции народов Советского союза под флагом Советов, под флагом социализма. (АПЛОДИСМЕНТЫ).**

НАША ЛИНИЯ—ЭТО ЛИНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

На с'езде происходила живая творческая дискуссия. Здесь были затронуты все вопросы литературного творчества. В этом—коренное отличие от тех времен, когда литературное движение направлялось РАПП. Вы помните, что РАПП имел свою «генеральную линию», своего «генерального секретаря», свою «генеральную платформу», которую пытались навязать всем писателям. Вы помните также ожесточенные споры, которые шли вокруг каждой точки и каждой запятой этой платформы.

Сейчас этого нет. На первом с'езде советских писателей происходит свободная творческая дискуссия, свободное обсуждение всех творческих вопросов. На этом с'езде не выносится никаких резолюций по творческим вопросам, которые были бы обязательны для каждого писателя.

Когда обсуждалась программа работ с'езда и выдвигались докладчики на этом с'езде, то оргкомитет, разумеется, эту программу с'езда и докладчиков согласовывал с нашей партией. Я думаю, что это ни для кого не секрет. Но это отнюдь не значит, что каждый доклад является каким-то каноном, какой-то платформой, где каждая запятая, каждое слово не подлежит никакому изменению и обязательно к неуклонному исполнению. Этого нет, товарищи. Это было бы стеснением творческой инициативы.

У нас нет также никаких решений партии и правительства о том, чтобы давать официальные характеристики и оценки отдельным писателям, выдавать прозаикам и поэтам своего рода ордена, знаки отличия, знаки поощрения или знаки порицания и хулы разных степеней. Я не знаю также никаких решений партии и правительства о «канонизации» Маяковского.

Маяковский — могучий поэт, поэт революции, но у нас нет решений о том, чтобы равнять всю нашу советскую поэзию только по Маяковскому. И если т. Бухарин в своем докладе дал оценку отдельным произведениям и творчеству поэтов, то он это сделал опять-таки в порядке постановки творческих вопросов на с'езде. Это отнюдь не значит, что каждый поэт на этом с'езде получил от партии или правительства свой знак отличия, с которым он должен с этого с'езда уйти. Это было бы проявлением величайшего бюрократизма, а вы знаете, что нет более непримиримого борца с бюрократизмом, чем наша партия.

У нас есть общественное мнение, критика, читатели, которые выросли за последние годы и которые сами великолепно понимают, какое произведение ценно, достойно похвалы, а какое произведение достойно порицания.

Но если у нас в литературе идет свободное творческое соревнование, живое обсуждение творческих вопросов, то это отнюдь не значит, что у нас нет никакой линии в литературе. Нет, товарищи, у нас есть линия в литературе, и об этом говорилось почти во всех выступлениях на с'езде. Об этом говорилось и в докладе Алексея Максимовича, и в выступлении секретаря ЦК т. Жданова. Наша линия — это социалистический реализм. **(Аплодисменты).**

Вы сами сказали в своей резолюции, что вы хотите создать произведения, проникнутые духом социализма. Вот — линия советской литературы. А во всем остальном — свободное творческое соревнование.

У нас слишком много мудрят по поводу социалистического реализма. Социалистический реализм отнюдь не представляет собой какой-то набор инструментов, который выдается писателю для создания художественных произведений. Некоторые писатели требуют, чтобы им была дана во всех деталях теория социалистического реализма.

Вы — представители лучшей части интеллигенции. «Кому много дано, с того много и взыщется». И когда говорят, что нам нужно показать социалистический реализм, то здесь, на с'езде писателей, ответ может быть только один: социалистический реализм может быть лучше всего показан в тех художественных произведениях, которые создают советские писатели.

СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ ОКРУЖЕНЫ ЛЮБОВЬЮ И ЗАБОТОЙ ТРУДЯЩИХСЯ

Отличительной чертой с'езда советских писателей является то напряженное внимание, которым его окружила вся наша страна. Не мало говорилось о том, что в Стране советов пали перегородки, которые в прошлом отделяли художника от народа. Но я думаю, что многие из писателей во всей силе впервые почувствовали это здесь, на с'езде советских писателей. Только здесь многие из вас почувствовали, какой любовью и каким вниманием наш народ окружает **свою советскую интеллигенцию,** с какой заботой он к ней относится. Вы видите, как вся страна следит за работами с'езда, как чутко реагирует она на каждое выступление писателей. Это было ярко продемонстрировано здесь, на с'езде, в выступлениях многочисленных делегаций — рабочих, колхозников, представителей Красной армии, флота, молодежи, работников других отраслей искусства.

Это мы видели в Московском парке культуры и отдыха, в Зеленом театре, где собрались десятки тысяч **московских пролетариев, для того, чтобы горячо приветствовать с'езд советских писателей.** И когда присутствовавшие на этом празднике писатели увидели десятки тысяч зрителей, этот огромный амфитеатр под открытым небом, луну, которая висела над этим амфитеатром (при чем писатели спрашивали, неужели и эта луна подвешена там директором парка), то у многих из них невольно встали в воображении незабываемые картины античной Греции, где искусство было неразрывно связано с народом. «А хорошо бы на этой сцене поставить «Эдипа», — вырвалось тогда у А. Толстого. «Или устроить состязание поэтов и певцов», — добавил кто-то.

Не кажется ли вам, товарищи, что теперь, на другой ступени исторического развития, в век электричества, радио, в век социализма и советской власти в нашей стране, к нам пришли лучшие времена искусства, когда народ и художник составляют одно целое. У нас исчезают понемногу литературные снобы, которые в гостиных, плотно закрыв двери, оглушают друг друга витиеватыми тирадами. У нас народ знает своих писателей, он обсуждает на фабриках и в колхозах, в домах и клубах, Красной армии каждое новое произведение. У нас каждая хорошая песня мгновенно облетает всю страну — от Белоруссии до берегов Тихого океана.

И недаром здесь на с'езде и в докладе **А. М. Горького** и в выступлениях писателей так много говорилось о народном творчестве. Да, у нас народ снова выдвигает своих певцов, своих художников. Каждый год поднимаются новые и новые силы, новые писатели, которые выходят из среды рабочих и колхозников и которые иногда первым же своим произведением становятся известными всей стране.

Тов. Ставский сегодня рассказывал об этих молодых писателях, которых становится все больше с каждым годом, ибо растет наша культура.

С другой стороны, и те художники, которые раньше были обособлены, теперь, придя к пролетариату, приняв платформу советской власти, стали близкими и родными для нашего народа.

Когда здесь выступали представители рабочих и колхозников, они нам говорили: опишите наш рост, нашу борьбу за социализм.

Каждый человек, который с этой трибуны приветствовал с'езд, начиная от московской колхозницы, говорившей великолепным красочным языком, и кончая мастером завода им. Сталина, — создан революцией, закалялся в упорной борьбе за торжество социализма.

Мне вспоминаются некоторые мудрствования наших критиков, которые иногда ходят вокруг да около некоторых основных положений, которыми руководятся наши писатели, и своими суждениями пытаются выхолостить смысл этих положений. Известно положение Энгельса о том, что художнику необходимо изображать типические характеры в типических обстоятельствах. И вот, если говорить о тех характерах представителей рабочих, колхозников, Красной армии, которые проявлялись здесь, на этой трибуне, то никто, как они, не оправдывает с такой наглядностью этого положения Энгельса. Ибо эти характеры были созданы в титанической классовой борьбе, которая развертывалась в нашей стране все эти годы.

Некоторые рассуждают так: ну, с первым положением Энгельса насчет типических характеров мы можем покириться. Что касается второго положения, насчет типических обстоятельств, то это, собственно говоря, ни к чему. Это является, по-моему, крупнейшей ошибкой. Мы не можем понять, и мы не можем показать ни одного характера, не показывая того, как этот человек боролся: с какими препятствиями, с какими врагами и как он в этой борьбе закалялся.

Вся наша партия, партия **Ленина—Сталина** выросла и закалилась в борьбе за социализм. В этой борьбе закалился и рабочий класс. **Наши художники должны дать почувствовать и понять это в своих произведениях.** Они должны найти иногда небольшие мелкие черты, которые великолепно оттеняют вот это основное в становлении, в создании характеров в нашей стране.

ЧЕЛЮСКИНЦЫ—ОБРАЗ ГЕРОИЧЕСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА

Здесь выступал **Отто Юльевич Шмидт.** Он сказал нечто простое, на первый взгляд, но весьма значительное, на что, как мне кажется, нашим писателям надо обратить **серьезное внимание. Отто Юльевич сказал: «В Арктике, на льдине, в труднейших трагических обстоятельствах у людей проявились те качества, которые раньше находились у них в скрытом состоянии, но которые были воспитаны Страной советов».**

Передо мною книга, которую нужно раздать делегатам с'езда, на которую, я думаю, вы все обратите внимание. Об этой книге, к сожалению, никто не говорил на с'езде. Эта книга называется «Как мы спасли челюскинцев». Герои Советского союза не стали ждать, когда наши писатели вдохновятся и опишут их подвиг на ледяных полях Арктики. Они **сами** взялись за дело и в течение двух месяцев **сами** написали эту книгу. Здесь в простых, безыскусственных словах каждый из летчиков — Ляпидевский, Леваневский, Слепнев, Молоков, Каманин, Водопьянов, Доронин — рассказывают о своей жизни, рассказывают **о том, как они** учились, как совершали свои героические подвиги.

Это замечательная книга. Это — кусок жизни. Это одна из самых интересных книг, появившихся за последнее время. Появление ее говорит о том, что наш народ выдвинул таких героев, которые не только совершают подвиги, но умеют рассказывать и о себе и о подвигах. Это— новое явление в нашей литературе.

Когда вы просмотрите эту книгу, вы увидите, что это за люди. Один родился в подмосковной деревне, другой—под Ленинградом, третий — в Полтаве. Их жизненный путь был различен. Многие из них не встречались друг с другом до Ванкарема и Уэллена. Но попав тула, они стали действовать вместе как стальной отряд революции. **(Аплодисменты).**

Кто создал их? Прочитав эту книгу, вы увидите, что этих людей создала революция.

И когда наш народ чествовал челюскинцев, то он чествовал в них не только их личное мужество и героизм. Может быть у писателя, который начнет описывать этот подвиг, он обрисуется как один из примеров личного героизма, личного мужества, которых довольно много. Это было бы величайшей ошибкой. Нет, каждый из этих людей имеет свою историю. И то, что делалось на льдине, тоже имеет свою историю. И когда наша страна чествовала героев Арктики, страна видела в них **свой образ,** она видела в том, что происходило на льдине, образ всей Страны советов, образ героического пролетариата. Там сказались два качества, которые отличают наши трудящиеся массы — сказался **героизм,** который проявил наш народ под руководством рабочего класса, когда он впервые в истории пролагал дорогу к новому будущему, к новому строю, и сказалась **величайшая организованность,** без которой этот героизм оторвался бы от земли, был бы беспочвенным, без которой не могли быть совершены все эти великие дела.

СОЗДАДИМ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ДОСТОИНЫЕ НАШЕЙ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЙ ЭПОХИ

Это имеет огромное значение для художника, для художественного творчества. Один из классиков, который давно умер, но «присутствует» на данном с'езде, сказал, что реализм, который не видит дальше кончика своего носа, хуже всякой безумной фантастики, **потому что он слеп.**

Пример челюскинцев учит художника, что нельзя ограничиваться одной фотографией, нельзя ограничиваться внешним описанием событий. Художник должен найти такие черты, которые выявили бы связь явлений, которые бы показали, откуда вырос человек, откуда взялись те качества, которые позволили совершить чудеса героизма, чудеса организованности, которыми восхищался весь мир.

Тут много говорилось о том, что наше искусство должно быть содержательным. Это совершенно правильно. У нас теперь уже нет открытых защитников формализма. Правда, находятся еще люди, которые заклинают формализм и в то же время протаскивают его в своих произведениях или в критике. Такого рода случаи, к сожалению, еще бывают. Но в борьбе с бессодержательным искусством, с искусством, которое является отражением гниения и распада буржуазного мира, мы уже одержали решающую победу. И наш художник сознает, что он должен в своем произведении дать не просто красивую розетку, а дать **содержательное** произведение, которое бы вдохновляло, звало и увлекало вперед. Мне кажется, что художник ищет тогда, когда он творит, когда он создает свое произведение и когда он все силы напрягает для того, чтобы образы его произведения, каждая мысль, каждое чувство, каждое слово дошли до сердца читателя. И в этом отношении **А. М. Горький** дает нам пример. Его произведения все сделаны так, что их прекрасно понимает массовый читатель. Там отточены каждое слово и каждая фраза, там любовно отделан каждый образ, и все направлено к тому, чтобы это произведение нашло отзвук в сердце читателя. Именно к этому должен стремиться каждый подлинный художник.

Товарищи, здесь выступало много представителей наших новых читателей. Они приходили **со** всех концов нашей советской страны. Они выходили на эту трибуну и говорили: мы вас, советских писателей, любим, мы вас почитаем, но мы ждем от вас, что вы дадите нам новые песни, новые произведения, в которых вылился бы поток новых чувств и мыслей. Мы хотим, чтобы вы создали произведения, которые бы вдохновляли, которые бы звали вперед, в которых была бы отражена вся наша ослепительно красочная, многообразная, героическая жизнь и работа. Они приходили сюда, на трибуну с'езда советских писателей, и обращали к с'езду советских писателей, к лучшим представителям интеллигенции свои надежды и требования.

Ответ может быть только один: да, мы создадим новое искусство—искусство свободного народа. Да, мы создадим искусство социализма! **(Бурные аплодисменты).**

РЕВОЛЮЦИОННЫМ ПИСАТЕЛЯМ ЯПОНИИ И КИТАЯ

Первый с'езд советских писателей с горячим волнением и радостью приветствует революционных писателей и драматургов Японии и Китая.

Вести, доходящие до нас о вашей беспримерной стойкости, которую не сломили и не сломят никакие тюрьмы, угрозы и провокации, мучения и расстрелы, зажигают наши сердца беспредельным уважением к вам.

Искусство, создаваемое вами, доходит не только до трудящихся масс Японии и Китая, но оно, шагая через границы, становится боевым вестником нашего интернационального единства. Нас об'единяет не только близость нашего искусства, но и тот путь, на котором революционные писатели Японии и Китая одержат окончательную победу в борьбе за свое освобождение.

Наши сердца, наши силы, наша воля с вами, дорогие товарищи!

На с'езде. Группа средне-азиатских драматургов с т. Алексеем Толстым.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ О СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

ЗНАМЯ СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

РЕЧЬ тов. А. БЕЗЫМЕНСКОГО

— «Философы лишь различным образом об'ясняют мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его».

Стихи поэта — это оружие изменения мира. Их не только поют, ими разят, ими куют, ими строят. Радостно и ответственно работать поэту в нашей стране. Ты ходишь среди своих героев, и они не остаются равнодушными к тебе. Мы должны, товарищи, их отобразить. Мы ответственны не только перед литературой, но и в первую очередь перед страной за нашу работу. Но эта ответственность заставляет меня обратиться к некоторым положениям доклада т. **Бухарина** и их разобрать.

Прежде чем полемизировать с т. Бухариным, я хочу дополнить его доклад и говорить о том, чего он, к сожалению, **НЕ** сказал. Я думаю, что надо говорить не только о советских поэтах (в прямом и точном смысле этого слова), но и о тех поэтах, которые являются рупором классового врага, а также о чуждых влияниях в творчестве поэтов, близких нам.

Я думаю, что не надо распространению доказывать, что в своей борьбе с нами классовый враг до сих пор использует империалистическую романтику **Гумилева** и кулацко-богемную часть стихов **Есенина.**

В стихах типа стихов **Клюева** и **Клычкова**, имеющих некоторых последователей, мы видим сплошное противопоставление «единой» деревни городу, воспевание косности и рутины при охаивании всего городского-большевистского, — словом, апологию «идиотизма деревенской жизни».

Гораздо более опасна маска юродства, которую надевает враг. Этот тип творчества представляет поэзия **Заболоцкого**, недооцененного как врага, и в докладе т. Тихонова. Дело вовсе не в «буксовании жанра». Под видом «инфантилизма» и нарочитого юродства Заболоцкий издевается над нами, и жанр вполне соответствует **содержанию** его стихов, **их мыслям**, в то время как именно «царство эмоций» замаскировано.

Стихи **П. Васильева** в большинстве своем подымают и красочно живописуют образы **кулаков**, что особенно выделяется при явном худосочии образов людей из нашего лагеря.

И Заболоцкий и Васильев не безнадежны. Перевоспитывающая мощь социализма беспредельна, но не говорить совершенно о Заболоцком и ограничиться почтительным упоминанием и восхищением талантливостью и «нутром» Васильева невозможно.

Тем более это невозможно, что влияние Заболоцкого сказывается на творчестве **Смелякова** и даже в некоторых стихах такого замечательного и родного нам поэта, как **Прокофьев.**

Отсюда вторая сторона вопроса — о чуждых влияниях в творчестве близких нам поэтов. Мы не имеем права не говорить об этом, если хотим по-настоящему им помочь.

Писатели как представители отдельных общественных групп приходят к коммунизму своим путем, со своими особыми трудностями и болезнями. Рассматривая творческий путь **Пастернака, Маяковского, Сельвинского, Тихонова, Брюсова, Луговского, Багрицкого, Асеева,** мы должны видеть и показывать всю сложность и своеобразие этих путей, видеть и показывать своеобразные трудности и болезни этих путей. Потому коммунисты сумели перевоспитать этих различных крупных художников, что прямо и честно вскрывали все, что было в их пути и творчестве революционного и что было в нем чуждого.

Говорить о Сельвинском в порядке вкусовой рецензии, не упоминая даже о техницистских, делячества тенденциях в его творчестве, об идейных срывах, о «Пунторге», «Пао-Пао» и «Декларации прав», значит сослужить плохую службу Сельвинскому, крупному и нужному советскому поэту. Мы говорили и будем говорить об этом не для поперекова, а во имя настоящей большевистской помощи поэту.

Сказать о Маяковском, что это «рыкающий лев революции», значит ничего не сказать. Сказать, что Маяковский стал «классиком», значит опять-таки ничего не сказать. Десяткам поэтов, идущим и пришедшим к нам из чужого класса, важно и нужно показать, **как** стал он этим классиком, показать все сложные перипетии его пути, его трудной борьбы с чуждыми влияниями, которые родили «Про это» и которые заставили его героически вставать на горло собственной песне, когда она оказывалась чужой. Показать его срывы, болезни и преодоление этих болезней — гораздо более актуальная задача, чем изящная монография о волосатости рук Маяковского. Не наступая на горло чужой песне, Маяковский не смог бы дать свою, новую, нашу песню. В оценке Маяковского мы противостоим и бывшим лефовцам, которые канонизируют его и даже его метрику (что недавно делал в докладе т. Асеев), бывшим лефовцам и всем, забывающим ошибки Маяковского, и тем, кто преуменьшает его значение.

Ошибки Маяковского в докладе вскрыты не были.

Мы не заинтересованы в том, чтобы дать о творчестве Тихонова, Пастернака, Асеева и других только лирические рецензии. Мы заинтересованы в том, чтобы Пастернак приучил свой взор к большим пространствам, перестал ограничивать горизонты нашего времени четырьмя стенами своей комнаты и отразил эту самую страну, ее идеи и чувства. (Аплодисменты.). Мы, коммунисты, обладающие научным мышлением, а не ТОЛЬКО эмоциями, будем указывать каждому из поэтов на основе научного, а не любительского анализа, как ему облегчить путь к коммунизму через его творческие особенности, преодолевая свойственные ему, особо присущие ему ошибки, освобождаясь от характерных для каждого чужих влияний. И этого в докладе не было.

Только порядок домашних рецензий позволяет т. Бухарину уделить только одну строку Прокофьеву и Луговскому, прошедшим свой во многом прекрасный и бесспорно поучительный для всех творческий путь, и ни слова не говорить о Голодном и Смелякове, Кирсанове и В. Инбер, Первомайском и Бажане, Александровиче и Чиковани. (Аплодисменты.)

Еще труднее спорить, потому что цитаты из произведений поэтов, кроме Корнилова, печатавшегося в «Известиях», сплошь не старше 1926 г. Можно посоветовать т. Бухарину прочесть все печатающееся после 1926. г.

Можно посоветовать не повторять удивившего всех нас заявления, что Асеев «абсолютно чужд интимной лирике», это Асеев-то, лирик «по складу своей души, по самой строчечной сути». (Аплодисменты).

Полемика заостряется там, где плохая осведомленность в поэзии и неправильности доклада, где характер и система рецензий доклада подсказывают вывод, что поэзия представителей пролетарской литературы элементарна и устарела, в то время как поэзия обощения «царства эмоций» многогранна и молода, несмотря на то, что отдельные ее представители наиболее далеки от современности.

Этот вывод **неверен**, и неверен прежде всего и в частности в противопоставлении. Этот вывод является результатом неверного теоретического определения специфики поэзии как **обобщения «царства эмоций»**, принижающего роль идей в произведении и смазывающего отражение об'ективной действительности. Ошибки и достижения поэтому не раскрыты в надлежащей полноте. Частые справедливые указания не меняют дела. Вывод неверен, и я думаю, что пролетарские и наиболее близкие нам поэты несмотря на все свои, часто крупные, недостатки показали и еще покажут, как они большевистски и творчески молоды! (**Бурные аплодисменты**).

Тов. Бухарин много верного говорил об исторической вышке, об общих задачах поэзии и об ее крупных недостатках, за исключением огульного обвинения нашей поэзии в провинциальности и огульного обвинения поэзии наиболее близких нам людей в элементарности. Однако правильное проведение в жизнь этих общих задач будет весьма затруднено, если не исключить те недостатки постановок вопроса, о которых я говорил.

В заключение хочется мне сказать о многожанровости нашей поэзии и специально об одном жанре, ибо бои вокруг него исключительно принципиальны.

Мы хозяева страны и нашего дела! Мы обязаны и будем развивать и растить все жанры поэзии, сочувствовать всем ритмам, отражающим необыкновенное богатство ритмов современности, пестовать все образы, отображающие нашу борьбу, жестоко разбивая и формализм, и обломовщину в смысле искажения новых форм, борясь за качество каждой строки любого жанра. Эпическая поэма и лирическое стихотворение, лозунг и частушка, песня и эпиграмма, комедия и трагедия в стихах, — все это входит в железный инвентарь нашей поэзии. Мы, как хозяева дела, не позволим ни канонизировать, ни выбросить ни одного жанра из этого арсенала! Мы не будем настолько бесхозяйственными, чтобы ограничивать поэзию только тем, что передает подданных и владык «царства эмоций».

Всякое произведение литературы — явление политики, даже произведение аполитичное. «Война и мир» тоже своеобразная «агитка», но в прямому разбору произведений молодых писателей.

Вечернее заседание

✱ Слово для содоклада о работе с молодыми писателями получает тов. К. ГОРБУНОВ.

✱ За последние три года литературные консультации, созданные по директиве партии, при советских издательствах, пропустили до 50 ТЫСЯЧ авторов, проконсультировав до 80 ТЫСЯЧ авторских листов рукописей.

✱ Характеризуя массовую тягу молодежи к литературному творчеству, т. Горбунов приводит ряд примеров плодотворной работы с начинающими, в частности — при издательстве «Советская литература». Но докладчик принужден резко указать и на неизжитые еще бюрократичные методы бездушных отписок, практикуемые некоторыми литконсультантами.

✱ Первым выступает в прениях Б. АГАПОВ. Он говорит о новых свойствах молодого советского читателя, и о той великолепной школе для растущих авторских кадров, какой является оперативная, очерковая работа в газете.

✱ От имени студентов Вечернего Рабочего Литературного Университета выступает т. ЖИСЛИН. От Московского, Ленинградского, Магнитогорского, Ростовского кабинетов рабочего-автора Профиздата и от 15-тысячного коллектива рабочих Ростсельмаша писателей приветствует т. АБРОСИМОВ.

✱ Сердечный, дружеский привет с'езду от имени революционной части рабочего класса Норвегии передает затем норвежский писатель ОТТО ЛУИН.

✱ На том же заседании выступили т. СКИТАЛЕЦ, охарактеризовавший деградировавшую русскую эмигрантскую литературу и т. СЕЙФУЛЛИН (Казакстан), призывавший советских писателей серьезно изучать жизнь и быт народов Советского Союза.

✱ Затем председательствующий об'является, что слово предоставляется т. А. И. СТЕЦКОМУ. Тов. Стецкого с'езд встречает стоя долго несмолкающей овацией.

✱ С огромным вниманием слушается речь т. Стецкого, не раз прерываемая аплодисментами. И когда он произносит заключительные слова:— «МЫ СОЗДАДИМ ИСКУССТВО СВОБОДНОГО НАРОДА, МЫ СОЗДАДИМ ИСКУССТВО СОЦИАЛИЗМА!» — весь с'ездовский зал снова отвечает на них бурной овацией.

31 августа.
Утреннее заседание

✱ Продолжаются прения по докладам В. Ставского и К. Горбунова.

✱ ГР. КАЦ (Ростов-на-Дону) горячо возражал против концентрирования внимания поэта на его внутреннем мире.

✱ О постановке работы с литкружковцами в различных пунктах Советского Союза рассказывают затем с'езду тт. ФИЛАТОВ (з-д «Серп и Молот», Москва), КАДЫР (Крым), ЗЕРНИТ (Татария), КОСЕРАТИ (Сев. Осетия), СОЛОВЕЙЧИК (ЦАГИ, Москва), МОРДВИНОВ (Якутия), Айсхат (Чечено-Ингушетия), ЛЕХТЦИР (Молдавия), КУШТУМ (Урал), ТОРИН (Донбасс).

✱ — Судьба начинающего писателя — это судьба нашей будущей литературы, — говорит в своем выступлении т. НАИРИ ЗАРЬЯН (Армения).

✱ Тов. ИВ. ЛЕ (Украина) выдвигает вопрос о создании для молодых писателей специального журнала.

✱ В. ИТИН (Зап. Сибирь) говорит о недооценке областной литературы со стороны нашей критики.

✱ ВЛ. ТОЛСТОЙ посвящает свое выступление вопросам оборонной литературы.

✱ Тов. ЮКОВ приветствует с'езд по поручению ГУКФ и советской делегации на международном киноконгрессе в Венеции.

✱ Горячие слова приветствий произносят затем с трибуны с'езда австрийский писатель А. ЭРНШТЕЙН и греческий писатель ГЛИНОС.

✱ Выступление т. МАРЧЕНКО, зав. культотделом ВЦСПС, возвращает внимание с'езда к вопросам работы с молодыми авторами. Тов. Марченко целиком соглашается с той критикой, которую дал в своем докладе В. Ставский работе профсоюзов в области руководства массовым литературным движением.

Вечернее заседание

✱ Первым выступил вчера на вечернем заседании тов. Н. ОГНЕВ. Он подчеркнул ту мысль, что проникнуть в лабораторию молодого писателя, действительно помочь последнему в его работе может только квалифицированный писатель.

✱ Тов. ЛУРЬЕ рассказывает о достижениях еврейской литературной молодежи.

✱ Тов. БРАУН указывает, что необходимо об'явить войну примитивизму и элементам формализма, замечающимся в работе ряда молодых авторов.

✱ Тов. БОГДАНОВ выражает убеждение, что старым мастерам литературы вряд ли удастся воспроизвести образ молодого человека нашей эпохи. Надежду в этом отношении следует возлагать лишь на «молодого человека советской литературы».

✱ От имени начинающих колхозных авторов пред'являет с'езду счет тов. КУБРИКОВ: побольше внимания деревне, побольше забот о создании учебных пособий для начинающего автора.

✱ О задачах советской лирики говорит т. В. ГУСЕВ.

✱ Тов. А. ИСБАХ призывает молодых писателей к овладению мастерством.

✱ Тов. М. Шкапская говорит о той большой, исключительной роли, которую может сыграть для начинающего писателя участие в работе по «Истории заводов».

✱ От имени молодых писателей Республики немцев Поволжья выступает тов. БАХ, от имени об'единения молодых писателей при журнале «Рост» — тов. МАРГОЛИС.

МЫ СОЗДАЕМ НОВЫЙ ТИП ПОЭТА

РЕЧЬ тов. Н. АСЕЕВА

— Я хочу затронуть в своей речи три главные проблемы, которые с большой своевременностью поставлены в докладе Н. И. **Бухарина.**

Первый вопрос — о специфике поэзии, о том, что в пределы поэзии входит все то, что освещено эмоцией, что является носителем образа. Тов. Бухарин проводит определенный ряд, отделяющий поэзию от логического мышления. Правда, он оговаривается, что в чистом виде такого ряда не существует.

Нельзя так просто представить дело, что вот для поэзии остается некоторый ряд чувственных моментов, чувственных возбудителей, чувственных образов, ну, скажем, радуга, цвета, запахи и т. д., а для науки, для логического мышления остается все богатство современной техники, современного научного мышления, которое в поэзию входить не может до тех пор, пока оно не станет обобществленным мышлением.

В этом кроется опасность такого опошленного, обиходного мышления, затрафареченного мышления, которое никогда не было общественным мышлением. Общественное мышление пробивается вперед. Оно посылает своих разведчиков, оно находит новые слова для новых чувств и новых мыслей.

Мне думается, что в представлении Н. И. неправильно то, что, идя от совершенно верных предпосылок— примата образов в поэзии, он не договаривает, что научное мышление в первую очередь может стать образным мышлением, поскольку поэт-современник является носителем переловых идей своего времени.

Н. И. говорит, что есть атом, есть альфа-лучи, световые кванты и целый ряд понятий, которые не вошли в обиход, не освоены обществом, в быту и являются научной терминологией, встречающейся в ученых трактатах, в диссертациях и т. д. Но введенное слово может стать образом. Возьмите вы тот же блоковский «Интеграл», который является математическим термином, но через него Блок создал образ движения машин против монгольской орды!

Специфика образа сводится к тому, что нужно изучать через его облик перемещение среды научного, политического и технического мышления в среду поэтическую и, наоборот, его нужно исследовать,—в том и заключается вторая затронутая Н. И. проблема, которая касается исследования формальных моментов искусства, образующих стихотворную речь. Но тут опять-таки имеется некоторая недоговоренность в докладе Н. И.

Формализм, будучи неправилен по установкам, выводя свое отношение к искусству из внутреннего движения самого искусства и не находя этого принципа вечного движений в самой сфере специфики искусства, конечно, должен был отказаться от своих позиций.

Но дело в том, что в то время как никто из марксистов не занимался вопросами формы, формалисты неверно, уродливо, искривленно, но разрабатывали эти самые вопросы, и поэтому внимание поэта, внимание человека, занимающегося стихами, натыкалось обязательно на работы формалистов. А, значит, представления о культуре стиха шли именно по этой линии, значит, на этом участке необходимо противоядие формализму, и, мне кажется, оно должно быть создано не только в выступлениях против формализма, но в изучении, в постановке вопросов нашего литературоведения и, в частности, нашей советской поэтики.

Наконец, третий вопрос, который я хотел затронуть, это вопрос о типе поэта, вопрос о типе современного советского, современного интернационального поэта, который у Н. И. был также подан несколько неясно.

Н. И. громил представителей той точки зрения, которая защищает нормы чистого искусства, говорил, что это чепуха, что это давнее прошлое, что остатки его еще есть, но бродят

они по земле очень бледной тенью. Но дело в том, что сам тип современного поэта представляется мне все-таки созданным советской поэзией за время революции.

Это не значит, что я себя мню представителем такого типа поэтов. Мне очень далеко до этого, я очень хорошо знаю свои недостатки, свои силы, свои возможности, но участвовать в этом коллективном создании нового типа мирового поэта, конечно, мне пришлось, и этим я горжусь.

Меня называют чернорабочим стиха, черным тружеником стиха. Я особым тружеником себя считать не могу, не могу считать себя приводным ремнем двигателя формы. Я очень люблю поэзию, я очень **люблю** эмоцию стиха. Если это мне не всегда удается выразить, то нужно искать опять-таки другие причины, может быть, причину недостаточной одаренности, может быть, самые разнообразные причины. В этом я не судья и я не желаю набивать себе цену, но я думаю, что надо говорить об участии в этом создании типа нового поэта, который зарождался и в другие времена, и который был подавлен, который был загнан в подполье, который был уничтожен в конце концов тогда общепринятым типом поэта, типом такого кабинетного мыслителя, типом глубокомысленного выжидателя общественных катастроф, общественных пертурбаций, который, после того как замолкли громы, выходил, подводил итоги и украшал эпоху великолепными декорациями.

Если ты поэт, если ты участник своей эпохи, то в этом волнении, которое сотрясает весь огромный океан страны, ты обязан принять участие, не отсиживаясь под перевернутой лодкой своего вдохновения. И когда говорят о том, что мы, друзья Маяковского, пытаемся установить какой-то культ Маяковского, какую-то единственную правильность его формы, — это чепуха. Мы говорим о поведении Маяковского, о культуре его биографии, и вот к чему мы приковываем внимание поэтов всего мира, поэтов всей нашей страны, поэтов, которые должны рассматривать и ценить культуру биографии Маяковского. И правильно т. Харик сказал, что весь зал вставал не в честь мертвого Маяковского, а в честь ощущения той жизни, которая продолжает биться с его страниц и еще на долгие годы будет ориентиром и руководом для такого типа культуры биографии поэта. (**Аплодисменты**).

И мы видим, товарищи, что это не случайное явление для нашей страны, что мы имеем фигуры товарищей, стоящих в общей связи с типом работы Маяковского при самых разнообразных формальных качествах, при самом разнообразном их облике, при самых разнообразных вкусах, симпатиях и т. д. Все эти люди активно участвовали в создании облика советского поэта, они создали этот облик непререкаемой цельности и твердости, они создали ясное представление о правильности этого пути. Ведь этого же нельзя опровергать ссылкой на неуглубленность, на устарелость, на провинциализм и т. д. Какая же устарелость у Маяковского, которая продолжает ускорять биение сердец там, где произносится его имя? Какая же устарелость у Демьяна?

Как можно сказать это о Безыменском? Я с Безыменским очень **круто** разговариваю по вопросам формального анализа стиха. Я с Безыменским не пью чаи каждый день в приятных разговорах о том, как поделить нам место в поэзии, но когда говорят о Безыменском, что он устарел, мне это кажется обидным, даже не за себя, не за Безыменского, а за то, что эпитет «устаревшее» прилагается к новым формам образования советской поэзии. (**Аплодисменты**).

Правильно говорит Н. И., что нужно углублять и умудрять и осыпать большим сложным содержанием, большой философской мыслью наши стихи. Нужно развиваться в сторону обогащения того логического мышления, которое в докладе было вначале отвергнуто как компонент поэзии. (**Аплодисменты**).

Я еще хотел упомянуть о том, что новый тип поэта становится интернациональным. Мы знаем о Джо Хилле, о недавно замученном Эрихе Мюзаме, но иногда забываем упомянуть эти имена, а между тем биографиями этих товарищей по-новому поставлен вопрос об участии поэтов в жизни.

И когда я знаю, что здесь присутствуют товарищи, идущие таким же путем с нами в других странах, т. **Арагон** во Франции, т. **Рафаэль Альберти**, который в Испании с площадей читает свои стихи, несмотря на то, что условия в Испании для чтения с площадей своих стихов не очень подходящие, когда они переезжают со своими стихами, стихотворными пьесами из города в город, когда я слышу об этом, мне слышится голос друга, товарища, который работает в том плане, в котором начала работать советская поэзия. (**Аплодисменты**).

ЛИТЕРАТУРА СЧАСТЬЯ

РЕЧЬ тов. ВЕРЫ ИНБЕР

— Французский писатель Поль Низан писал недавно в одной из наших газет: «Перед советскими писателями стоит проблема, которую можно было бы назвать литературой счастья. Почти все великие произведения литературы были книгами страдания. Таким образом, создавалось впечатление что скорбь является неотделимой от искусства. Одной из наиболее высоких задач социалистической литературы является разрушение этой идеи и доказательство того, что искусство может быть основано на радости».

Кому придет в голову сомневаться в том, что наша литература оптимистична? Никому. Наш основной тонус—это радость.

Но допустим, что мы научились ощущать радость с такой же силой и полнотой, как писатели, жившие до нас, ощущали скорбь. Научились ли мы выражать эту радость в своих произведениях?

Проследим хотя бы вскользь «историю радости» в нашей литературе, в частности в поэзии. Как изображали радость поэты первых шагов революции Кириллов и Герасимов, словом, ранние «кузнецы»? В то время как мы наши заводы стремимся превратить в сады, озеленяя каждый свободный клочок земли, Кириллов и и Герасимов стремились каждый сад превратить в завод, и даже звезды казались им индустриальными искрами.

Нас все это сейчас не радует. И когда т. Бухарин говорит, что «Железный мессия» Кириллова звучит по-настоящему и по сей день, то это представляется крайне спорным.

На смену Кириллову и Герасимову пришли Безыменский и Жаров. Эти уже лучше умели обращаться с такой вещью, как радость, хотя ранний Безыменский шел по линии простого противопоставления: раньше нас радовало то-то, а сейчас вот это, раньше радовали «девичьи губы», а сейчас — «дымящие трубы». (**Аплодисменты**).

Это было написано десять лет назад, и за это время мы «в радости» сделали большие успехи. Сейчас бы мы так не написали.

Для Жарова характерны радостные заголовки его стихов, но обычно дальше заголовков эта радость не идет. Это только на витрине, а на полках совсем другое. (**Смех**).

Тов. Бухарин, так пламенно обрушиваясь на «провинциальность» нашей литературы, почему-то наибольшее количество внимания уделяет Жарову и Уткину, этим нашим двум наиболее провинциальным поэтам. (**Аплодисменты**).

Проследим дальше линию радости у наших молодых поэтов. У них радость жизни выражается крайне примитивно, главным образом, словами: «девчата», «девчонки», «парни», «ребята», «Женька», «Колька», «Манька» и т. д. Долматовский пишет следующее о картошке: «Это, конечно, любовь не картошка, но надо картошку сделать любовью». Как видите, это недалеко ушло от «дымящих труб» раннего Безыменского, но если трубы дымили десять лет назад, то картошка, к сожалению, произрастает сейчас.

Таким образом, в то время как грусть умели изображать необычайно тонко, необычайно разнообразно, с громадным количеством оттенков музыки, глаза, неба и цветов, — радость мы изображаем очень топорно.

Особенно это ощутимо в поэзии. Возьмем, например, Кирсановского «Робота». Кстати несколько слов о Кирсанове. Не принадлежа к ярым поклонницам этого поэта, я все же должна сказать, что я испытала недоумение и даже обиду, не увидев его имени в основном докладе о поэзии. (**Аплодисменты**).

Тов. Бухарин допустил еще одну ошибку, сказав, что мы во многом переросли Маяковского. Увы! Мы во многом не доросли до него, и кто знает, когда дорастем. (**Аплодисменты**).

Но вернемся к «Роботу».

Первая часть, где Робот умирает, где он трагичен, написана великолепно. Смерть «Робота»—одно из сильнейших мест в поэме. А как жиденько описана «домороботиха», меняющая пол.

Поэма кончается следующими словами:

«Метлою и бархатной
Шибче шурши там,
Ты мещь,
мещешь
и варишь,
Живая и добрая
наша машина —
Стальной
человечский товарищ».

Товарищи, замечаете ли вы, что случилось с «Роботом»? Он превратился в положительного героя и от этого сейчас же сделался хуже, как это сделалось с другим, фантастическим существом Пао-Пао.

Почему вообще два наших крупных поэта пишут один об обезьяне, другой—о машине? Не для того ли, чтобы не писать о человеке, который гораздо сложнее?

Несколько слов о положительном герое. Почему он нам не удается? Мне пришла в голову следующая мысль. Я вообще не знаю в мировой литературе положительного героя, задуманного как такового. Наоборот, мы знаем много противоположных примеров. У Диккенса Пиквик был задуман как отрицательный герой. Он смешон, глуп и туп в первых главах и от хорошеет с каждым абзацем.

Дон-Кихот был задуман как пародия, как отрицательный тип. И тоже превратился в положительного в процессе писания романа. Мне кажется, что это происходит потому, что писатели прошлого не боялись недостатков своих героев. Они их снабжали всеми человеческими качествами. Они их любили и возвышали силой любви до положительного образа. Мы же, снабжая положительного героя заранее заготовленными добродетелями, получаем «роботов».

Нам писать гораздо труднее, чем мы сами это думаем. Мы похожи на двигатель, который переходит с одного сорта горючего на другой. А это чрезвычайно мучительный процесс.

Нам трудно, но и радостно еще потому, что наш новый читатель, для которого мы пишем, органично ощущает радость.

Писатель для читателя с острым ощущением новизны и свежести эпохи—это само по себе радостно, но как становится грустно, когда мы пишем о радости—подделываемся хорошо. (**Аплодисменты**.)

ДНЕВНИК С'ЕЗДА

30 августа.
Утреннее заседание

✱ На утреннем заседании 30 августа первым выступил САНДРО ЭУЛИ (Грузия). От имени грузинской делегации он солидаризуется с основными положениями доклада т. Бухарина.

✱ О запущенном уголке нашей поэзии—переводах — говорит следующий оратор, т. К. ЧУКОВСКИЙ.

✱ Затем выступили тт. Н. АСЕЕВ и А. ПРОКОФЬЕВ.

✱ Бурными аплодисментами встречает с'езд двух зарубежных революционных поэтов: т. НОВОМЕССКОГО (Чехо-Словакия) и т. АЛЬБЕРТИ (Испания).

✱ С заключительным словом выступает затем т. Н. И. БУХАРИН.

Тов. БУХАРИН последовательно разбирает выступления тт. Суркова, Кирсанова, Жарова, Безыменского и Демьяна Бедного, доказывая, что они не поняли основной тенденции его доклада, тенденции мобилизовать все творческие силы на ликвидацию недостатков пролетарской поэзии, а не «самой пролетарской поэзии», как это утверждает т. Сурков.

✱ Касаясь всех упреков, которые были сделаны по его адресу в связи с его высказываниями о Маяковском, т. Бухарин заявляет, что он против фетишизации Маяковского, против всякого идопопоклонства; нужно самым серьезным образом понять, что мы сейчас нуждаемся в более сложном виде политической поэзии, следовательно, и в более сложных формах этой поэзии.

✱ Горячими аплодисментами была встречена делегация Большевской коммуны, обратившаяся с приветствиями и к всесоюзному с'езду писателей.

✱ С большим докладом о творчестве молодых писателей выступил на утреннем заседании т. В. СТАВСКИЙ.

✱ Докладчик приводит интересные данные, говорящие об огромном росте литературно-массового движения.

✱ Значительную часть своего доклада т. Ставский посвящает подроб-

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ О СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

БОЕВОЕ ОРУЖИЕ РЕВОЛЮЦИИ

РЕЧЬ тов. ДЕМЬЯНА БЕДНОГО

— Товарищи, я скажу одну десятую часть того, что я собирался сказать. Передо мною уже выступали ораторы того поэтического, агитационно-боевого фронта, к которому я принадлежу. Их аргументы в защиту этого фронта были в достаточной степени убедительны и исчерпывающи. Я затрону только один вопрос. Я бы хотел, чтобы моя неписанная речь была самой короткой, самой простой и самой живой, именно живой. Потому что, когда вы аплодировали тому месту из доклада т. Бухарина, где Бухарин весьма трогательно и ласково с переоценкой, быть может, моих литературных качеств, говорил обо мне, вы аплодировали, не предвосхищая того, что в целом речь окажется заупокойной: хорош был покойник, царство ему небесное! Загляните в розданный вам текст печатного бухаринского доклада. Как там обстоит дело со мною? Бухарин взял труп Есенина, положил меня на этот труп и присыпал сверху прахом Маяковского. Точка. Покойся с миром. Поговорим о живых. И, действительно, после этого идет раздел, крупно озаглавленный «Современники». Я, оказывается, уже не бухаринский современник. (Смех. Аплодисменты).

И я вышел на трибуну исключительно для того, чтобы показать, что я еще не умер.

Можно подумать, что докладывал о поэзии не Н. И. Бухарин, а Иван Непомнящий:

Чай пила и булки ела,
Позабыла, с кем сидела.

В докладе короткое дыхание, какая-то непонятная оторванность от той исторической культурной почвы, на которой мы выросли, от лучшей части того художественного наследства, которое у нас имеется. О нем Бухарин позабыл, выбросил его из современного оборота.

Как величаво-символичен для нашей героической действительности, как волнующе прекрасен был рассказ т. Шмидта о том, как в полярную ночь и стужу, светя им и согревая их, с героями челюскинцами беседовал гениальнейший Пушкин. С челюскинцами — Пушкин! Это ли не наши современники! Не лишайте нас таких современников!

Непостижимо, как мог быть не упомянут второй основной гений нашей поэзии — Некрасов. И Пушкин и Некрасов — наши современники.

Тов. Бухарину кажутся устаревшими мои творческие приемы. Куда ни шло. Но когда у Бухарина устаревает и — вместе со мною и Маяковским — также и Безыменский и более молодые поэты революционно-боевого сектора нашего поэтического фронта, то это уже тенденция — опасная тенденция, демобилизующая, разоружающая поэтов-бойцов и ориентирующая нашу поэтическую молодежь на мастеров иного цеха.

К некоторому, быть может, огорчению моих поэтических соратников, я должен открыто сказать, что готов согласиться с теми, кто высоко расценивает мастерство Пастернака. У меня нет желания отрицать, что это прекраснейший поэт. (Аплодисменты). И бояться нам Пастернака нечего. И коситься не надо. Сад советской поэзии настолько велик, что защелкать в нем могло бы несколько таких поэтов, как Пастернак. Лирика есть лирика, хотя бы и самая интимная. Очаровательно говорила тов. Вера Инбер про женские губы и фабричные трубы. Я за трубы и за губы. Я вообще за то, чтобы у нас было побольше высокодаренных певцов, поющих каждый особым голосом и на свой лад. Я радуюсь, когда мне говорят, что Лахути — первоклассный поэт. Беда только та, что, не зная его языка, я не могу вполне насладиться его творчеством и оценить его. Я радуюсь, когда слышу, что в лице Пастернака мы имеем первоклассного интимного лирика. Беда только та, что язык его мне часто

недоступен так же, как неизвестный мне язык Лахути. (Смех).

Пусть будет так: непонятно, но приятно. Лирический голос. Любим же мы слушать кузнечиков и соловьев непрочь послушать. Всему свое время. Было время, гремевшее боевыми громами. Не слышно было за громами ни кузнечиков, ни соловьев. (Смех). А теперь такая благодать! Так ласкает ухо невразумительный, взволнованно-косноязычный стих. Таковы и должны быть, повидимому, стихи о любви. Не станет же влюбленный об'ясняться языком газетной передовицы. В голове туман. Иной такое что-то забормочет, что и сам не понимает, чего он бормочет. (Смех. Аплодисменты). Иных пастернаковских стихов сам Бухарин не мог понять. Другие все понимают. Влюбленные.

После грохота боев, отвлекшись на минуту от строительного грохота, приятно иному заслушаться кузнечиков и соловьев. Дело естественное. Слушайте. Но только не натаскивайте нас на вывод, что тут-то и есть основные достижения — у кузнечиков и соловьев, но вот те, которые грохотали, они-де отгрохотали и — уже не современники.

Обоюдоострая вещь — говорить об устарелости поэта. Сельвинский правильно привел пример с Пушкиным. Ведь Пушкин же — это солнце русской поэзии. Однако уже с «Полтавы» и «Бориса Годунова» это солнце не согревало ворчливых стариков. Они жаловались: «Остыл певец «Руслана и Людмилы». Так старые старики на завалинках жалуются, что солнце раньше больше грело. Так один 30-летний генерал ворчал, что карзан стал не тот: пятьдесят, сорок лет назад — вот это был карзан, помогал как, а теперь не помогает, воды в него простой прибавляют. А генералу никакой уже карзан не поможет: он старый чорт уже. (Смех. Аплодисменты).

Солнце нашей поэзии еще взойдет. У нас утренняя заря. И какая прекрасная заря! Ярко алая! Но Бухарин старчески щурит глаза и отдает предпочтение не ярко алым, а голубым и еще каким-то там более успокоительным лучам. К розовому, молодому, упругому телу нашей поэзии он подошел с тем, чтобы, бегло пошарив по этому телу, умилиться его интимно-лирическими местами: «Вот это формы!» А от упругих мускулов, от твердых костей он старчески отшатнулся. Вот она где старость-то! А боевая пролетарская поэзия — это и есть мускулы и костяк советской поэзии. Это она, помогая осуществлению наших побед, создала лирикам возможность запеть свои песни. И пусть они поют себе и нам на славу! Но надвинется гроза, да что гроза: телефонный звонок на редакционном столе Бухарина призвенит об остром событии — и редактор Бухарин немедленно станет мобилизовать тех поэтов, которые способны мобилизоваться с боевой быстротой, потому что они — прежде всего бойцы. Для них поэзия не «двух соловьев поединок». Они своими стихами участвуют в классовой борьбе, в поединке двух миров.

Вся моя тематика, все то бесконечное количество форм, которыми я пытался пользоваться, посвящены исключительно этому поединку. Вот почему я с такой обидой, так остро реагирую на слова Бухарина об устарелости этих форм. В этих словах не оказалось чуткости. И не только чуткости, но и такта. Серафимович, будучи в изрядном возрасте, оказался моложе себя, написав «Железный поток». Да что далеко ходить? О таком гиганте, как А. М. Горький, разве 25 лет назад болотные лягушки не квакали: «Конец Горького! Конец Горького!» Где теперь эти лягушки? После этого кваканья 25 лет Горький — на нашу общую радость — богатырски работает и еще — горячо надеемся — 25 лет проработает. Вы видели, какой он молодой! (Аплодисменты). Такого «горьковского конца» дай бог всякому и мне тоже.

На раздраженные реплики с мест т. Бухарин ответил, что он не считается с провинциализмом во вкусах, а говорит с точки зрения мировой литературы. Но ведь советская провинция не старая провинция. В ней выросли Днепрострои, Магнитогорски, Кузнецкий гигант и другие гиганты. Советская провинция и центр — один живой неразрывный организм. Вся наша страна бьется одним пульсом со своим сердцем, с Москвою, связана с ним радиосвязью. Какая тут провинция? (Голос из зала: Не про эту провинцию говорил Бухарин!) (Аплодисменты).

Тем лучше, если это не так, но суть не в этом. Бухарин говорил с точки зрения мировой литературы. Я принадлежу к той группе пролетарских поэтов, которые смотрят на мировую литературу с точки зрения мировой революции. Вот наша точка зрения. (Аплодисменты.)

Бухарин выделил некий поэтический Торгсин для сладкоежек. Я предпочитаю оставаться в рядах здорового ширпотреба.

Я, как чернорабочий, не брезговал в работе никакой темой. Все шло напотребу времени и действия. В 20 томах моих стихов не ищите филигранных шедевров. Агитационное мастерство имеет свои законы. Агитатор бросает во вражий стан не розы, а разрывные снаряды. Чем удачнее, динамичнее снаряд, тем оглушительнее разрыв, тем на большее число осколков, поражающих врага, разрывается снаряд. Чем на большее число осколков разрывался мой снаряд, тем, стало быть, больше была площадь поражения, тем более жесток был удар. (Аплодисменты.) Большинство того, что собрано в моих 20 томах, — это разного калибра застывшие осколки, которые когда-то были разрывными снарядами. Осколки застыли, заржавели, быть может, но они честно сделали свое революционное дело и имеют право рассчитывать на революционное уважение. (Аплодисменты.) Если не все, то часть их попадет не в архив, а в революционно-художественный музей, и не для того, чтобы ими любовались, а чтобы их изучали, как и из чего они делались, в чем заключалось мастерство изготовления агитационного снаряда.

По совести говоря, я и сам, слушая лирических соловьев, неоспоримых, традиционно-признанных поэтов, понимаю, что я не этой, не птичьей породы. У лириков — соловьиные языки, а я принадлежу к породе крепкозубых. Я к тому же сатирик. У меня — бивни. И этими бивнями я служил революции 25 лет. (Аплодисменты.) Верно: не молодые бивни. Старые. С надломами и зазубринами почетными, полученными в боях, но бивни эти, смею вас уверить, еще крепкие, может быть, в известном смысле еще покрепче, чем прежде. Искусство владеть ими приобретено не малое и я не перестаю их подтачивать. Они должны быть в готовности. Придет грозовой момент — и враг еще не раз почувствует силу этих бивней! (Продолжительные бурные аплодисменты.)

НАША МОЛОДОСТЬ НЕ УИДЕТ НИКОГДА!

РЕЧЬ тов. А. АЛЕКСАНДРОВИЧА

— Советская многоязыковая поэзия — действенное орудие мобилизации масс на осуществление великих идей большевизма.

С чем наша поэзия пришла на свой замечательный первый с'езд? Прислушайтесь, товарищи, и вы услышите перекличку наших песен, созданных нашими поэтами, песен, которые являются красочным документом героического пути пролетарской революции, песен, которые заслуженно стали народными. А это великая награда для советской поэзии! Песни Д. Бедного, песни Асеева, Безыменского, Гидаша, в Белоруссии — Янки Купала, Харика, Чарота, на Украине — Тычины, Фефера, Первомайского — это наш рост, наши успехи, это победы советской поэзии! (АПЛОДИСМЕНТЫ.)

Советская поэзия, несмотря на свои безусловные достижения, отстает от качества и темпов общего роста нашей страны.

Большую роль занимала и должна занимать в деле развития нашей советской поэзии наша газета. В Белоруссии многие поэты выявлены и выращены именно газетой: М. Чарот и Бровко, Хведорович и Клещторный, Глебка и другие. Эта связь с газетой не только не ослабевает, а, наоборот, крепнет, все лучшее, что создается на поэтическом фронте, впервые появляется в газете. Газета в Советском союзе — величайшая трибуна для писателя.

Но одновременно необходимо выработать в газете более суровый критерий определения качества произведений.

В борьбе за настоящую советскую поэзию, разнообразную по своей тематике и средствам выражения, мы преступно мало используем фольклор, а мастера мировой поэзии умело и широко использовали сокровищницу народного творчества. В числе лучших произведений поэтов нашего времени — именно те произведения, где использован фольклор. Однако мы должны помнить, что в народном творчестве есть демократические, есть и кулацкие элементы. Именно недемократическими элементами фольклора питал свое творчество Есенин. Эти же недемократические элементы есть в поэме Якуба Коласа «Новая земля». Проскальзывали они и в некоторых вещах Корнилова.

Если с трибуны этого с'езда выступали писатели, истоки творчества которых берут свое начало до революции, и взволнованным голосом заявляли, что к ним теперь пришла вторая молодость, то мы, писатели, рожденные Октябрем, приветствуя вторую молодость наших старших товарищей, должны гордиться тем, что наша молодость от нас никогда не уходила и не уйдет от нас никогда! Наша поэзия будет праздновать свое совершеннолетие. Это будет мощная поэзия совершенного мастерства! (Аплодисменты.).

ВО ИМЯ ЛЮБВИ К РОДИНЕ

РЕЧЬ тов. Б. ПАСТЕРНАКА

— Я приготовил и записал свое короткое слово и буду его сейчас читать, но в последнюю минуту я подумал о том, что у нас происходят прения, что в моих словах, наверное, будут искать намеков. Помните — в этом смысле я не борец. Личностей в моем слове не ищите, я его обращаю к моим сверстникам и людям, которые моложе меня по возрасту и работе. (Аплодисменты.).

Товарищи, мое появление на трибуне не самопроизвольно. Я боялся, как бы вы не подумали чего дурного, если бы я не выступил.

Двенадцать дней я из-за стола президиума вместе с моими товарищами вел со всеми вами безмолвный разговор. Мы обменивались взглядами и слезами растроганности, об'яснялись знаками и перекидывались цветами. Двенадцать дней об'единяло нас ошеломляющее счастье того факта, что этот высокий поэтический язык сам собою рождается в беседе с нашей современностью, современностью людей, сорвавшихся с якорей собственности и свободно реющих, плавающих и носящихся в пространстве биографически кыслимого.

Среди нас есть члены с решающим и совещательным голосом и гости, проходящие по билетам.

Поэтический язык, о котором я вам напомнил, звучал здесь всего сильнее в выступлениях людей с наиболее решающим голосом — гостей без билетов, членов делегаций, нас посещавших. Поэтический язык во всех этих случаях достигал такой силы, что раздвигал границы действительности и уносил в ту область возможного, которая в социалистическом мире есть вместе с тем и область должного. Тогда пионеры из детей вообще превращались в ваших собственных, и вы открывали

переливы вашего собственного голоса в словах курсанта Ильичева. И когда я в безотчетном побуждении хотел снять с плеча работницы Метростроя тяжелый забойный инструмент, названия которого я не знаю, но который оттягивал книзу ее плечи, — мог ли знать товарищ из президиума, высмеявший мою интеллигентскую чувствительность, что в этот миг она в каком-то мгновенном смысле была сестрой мне и я хотел помочь ей, как близкому и давно знакомому человеку.

На этом поэтическом языке так много сказано в течение с'езда и сказано с такою силой, что к этому нечего прибавить, но так как я говорю об этом в день теоретических прений о поэзии, я воспользуюсь всем сказанным для вывода о существе предмета ваших споров.

Что такое поэзия, товарищи, если таково на наших глазах ее рождение? Поэзия есть проза, проза не в смысле совокупности чьих бы то ни было прозаических произведений, но сама проза, голос прозы, проза в действии, а не в пересказе. Поэзия есть язык органического факта, т. е. факта с живыми последствиями. И, конечно, как все на свете, она может быть хороша или дурна, в зависимости от того, сохраним ли мы ее в неискаженности или умудримся испортить. Но как бы то ни было, именно это, т. е. чистая проза в ее первородной напряженности, и есть поэзия.

В заключение — несколько дружеских пожеланий. Когда кончится с'езд и прилив слышанного, виденного и испытанного сменится отливом, я бы хотел, чтобы в тишине, обнажающей дно перед новым под'емом, у каждого из нас осталось только одно существенное и совершенное, вся же лишняя, невесомая словесность оказалась унесенной переживаниями на с'езде, мнениями на с'езде, речами лучших из наших товарищей на с'езде. А ведь их, к нашему счастью, было так много!

Есть нормы поведения, облегчающие художнику его труд. Нужно ими пользоваться. Вот одна из них:

Если кому-нибудь из нас улыбнется счастье, будем зажиточными, но да минует нас опустошающее человека богатство. «Не отрывайтесь от масс», — говорит в таких случаях партия. Я ничем не завоевал права пользоваться ее выражениями. «Не жертвуйте лицом ради положения», — скажу я в совершенно том же, как она, смысле. При огромном тепле, которым окружает нас народ и государство, слишком велика опасность стать литературным сановником. Подальше от этой ласки во имя большой и дельной и плодотворной любви к родине и нынешним величайшим людям.

ПОЭЗИЯ ЭПОХИ СОЦИАЛИЗМА

РЕЧЬ тов. И. СЕЛЬВИНСКОГО

— Главным затруднением поэтической работы я считаю трудность освоения нового стиха нашим широким читателем. Возьмите любую мысль, изложите ее нормальной человеческой речью, и вас поймут. Но поэт говорит речью ненормальной, ритмической.

Все это создает для читателя затруднения, которые сначала преодолеваются им с раздражением и только потом доставляют эстетическую радость. Но до этой радости дотягивает далеко не всякий. Это во-первых. А во-вторых, уже освоив известную стиховую культуру, читатель с еще большим раздражением воспринимает малейшее уклонение от нее, малейшую попытку обновить стабилизированную эстетику стиха, ввести свежие ритмические каденсы, сделать стих более гибким, более емким, а значит, более простым и совершенным.

Чем свежее стих, чем революционнее его формы — тем более затруднено его первичное восприятие, тем громче голоса о том, что поэзия находится в упадке.

Еще в 1820 г. Пушкин писал Вяземскому:

«Скоро мы будем принуждены по недостатку слушателей читать свои стихи друг другу на уход».

Между тем, по словам того же Пушкина, прозу читают «и литератор, и купец, и светский человек, и дамы, и горничные». Сейчас, обдумывая творческий путь великого поэта, мы восхищены огромным разнообразием его стихов, неутомимостью его исканий. В каждом новом стихотворении Пушкин научался тому, чего не умел в предыдущем. Но современники держались иного мнения. После первых литературных успехов последовали горькие неудачи. О «Евгении Онегине» Рылеев писал:

«Он ниже «Бахчисарайского фонтана» и «Кавказского пленника». Я готов об этом спорить до второго пришествия».

«Пишите, товарищи, просто, безыскусно, говорят нам, но наш стих проще классического, он гибче, естественнее, ближе к говору, мощнее, а главное, лишен той ложной значительности, которая делает ямбические стихи «важными», несмотря на отсутствие в них иной раз идей и мысли.

Наш стих, как и проза, требует прежде всего содержания.

В чем же в таком случае недоразумение? А в том, что под простотой и безыскусственностью очень часто понимается старое, привычное. Помню разговор двух хозяйственников: «У вас есть онкольный счет?» — «А что значит онкольный?» — «Онкольный значит специальный» — «Ну, так вы и говорите по-русски». Хотя слово «специальный» не более русское, чем «онкольный», но человек считает русским все то, что он понимает. С проблемой простоты дело обстоит точно так же.

В докладе т. Бухарина имеется такое место:

«Чувства не отображают нас от мира, но об'ективная реальность здесь по-другому отражается: в науке она отражается как мир качественно разнообразных видов материи, в искусстве — как мир чувственных образов, тип мышления здесь другой, чем в мышлении логическом».

Но разве тип мышления остается неизменным? На наших глазах физика в своих глубинах превращается в химию, математика в наиболее утонченных своих формациях — это уже философия. Недаром Декарт мечтал о том, чтобы заменить мышление словами мышлением математическими выражениями.

В свою очередь — в поэзии происходит перекличка с наукой. Поэзия не только оперирует красками, запахами, звуками. Ее область — сфера человеческих переживаний. А если наше советское общество сегодня представляет собой по сути дела огромный вуз, ибо третья часть населения страны является в буквальном смысле слова учащимися, то это значит, что электроны, атомы, гены, стоимость и т. д. движутся не только по линии об'ективных категорий научных дисциплин, но и формируют в какой-то мере наш душевный пейзаж.

Страна сегодня переживает вузовский период развития, медовый месяц приобщения к культуре. То, что было антипоэтическим вчера, завтра станет чистейшей поэзией. Наряду с лирикой пейзажа и любви появится лиризм геометрии, драматизм политэкономии, эпос пчеловодства. Но эти идеи имеют уже конкретное выражение в «индустриальных» опытах наших поэтов, подготовляют развитие завтрашнего поэтического искусства. И это первый удар по тем, кто утверждает, будто поэзия отстает.

Но от нас требуют прежде всего создания галлереи типов эпохи. Требование вполне законное. Незаконны лишь утверждения в отсталости поэзии на том основании, что поэзия этой галлереи не создала. Дело в том, что создание типа — самый трудный и поэтому самый редкий жанр поэзии, в то время как для прозаика — это основная линия в его творчестве.

В самом деле, вышипем имена лучших классических поэтов России: Ломоносов, Державин, Пушкин, Баратынский, Языков, Лермонтов, Некрасов, Алексей Толстой, Фет, Тютчев, Майков, Полонский. Кто из них умел создавать типы? Строго говоря, один Пушкин. Характерно, что автор замечательнейшего Печорина ничего равноценного в поэзии не создал. Арбенин и Звездич — это не типы, да и не люди даже. А изумительный Мцыри — только лирический автопортрет.

Хлестаковы, Плюшкины, Маниловы, Коробочки, Базаровы, Рудины, Обломовы, Карамазовы, Карамазовы и т. д., вплоть до Клима Самгина и Булычева — все это создано исключительно прозаиками.

Запомним, следовательно, второй момент: создание в поэзии типов не было сильной стороной классической российской литературы.

Вопрос о создании типов в поэзии во весь рост поставлен именно нашей советской поэзией. Если вспомнить образ Прилепцова у Безыменского, Спекторского у Пастернака, Ракова у Тихонова, Проскакова у Асеева, если вспомнить типаж моей поэзии, числом около 20, то можно с чистой совестью сказать, что поработали мы немало, и результаты у нас неплохие.

Но беда в том, что критика не продвигает наших богатств в массы. Поэтому у массы, да и не только у массы, создается впечатление о нашей отсталости. Люди не едут в Австралию, и поэтому самому думают, что она не существует. А наша «Австралия» замечательная страна. Мы просим вас — политиков, критиков и беллетристов — посетить ее, пожить в ней месяц-другой, и вы убедитесь, что, как бы ни были грандиозны проблемы, стоящие перед нашим искусством, в стране найдутся люди, которым они по плечу. (Аплодисменты).

ЛИРИЧЕСКИЙ ПОРОХ ДЕРЖАТЬ СУХИМ!

РЕЧЬ тов. А. СУРКОВА

— В докладе т. Бухарина есть места, отмеченные знаком далеко не диалектической противоречивости.

К примеру, докладчик сначала утверждает, что Владимир Маяковский — классик советской поэзии, а в дальнейшем говорит, что «время агиток Маяковского прошло».

Николай Иванович сначала с довольно богатой аргументацией показывает на примерах основных поэтов незаурядные возможности нашей советской поэзии, а ниже безапелляционно утверждает, что в нашей поэзии царит глубокая некультурная провинция. Ссылка на «всемирно-историческую» вышку, с которой делается суждение, дела не спасает.

Тов. Бухарин оговаривался насчет того, что он обходит моменты социальной и идеологической характеристики во имя того, чтобы обсуждать вопросы поэзии с точки зрения наращивания мастерства. Это хорошо, но ведь мы же знаем, что абстрактного — вне времени и пространства, вне конкретных особенностей исторической обстановки — мастерства не бывает. Встав на точку зрения абстрактного мастерства, Николай Иванович сузил круг суждений до узкой группы имен и «выбраковал» основных представителей пролетарской поэзии, которая с таким трудом набирала силы, поэзии, завоевавшей себе многомиллионную читательскую аудиторию.

Можно и нужно говорить о больших недостатках пролетарской поэзии, ибо, как правильно говорил докладчик, время «сопливеньких, но своих» прошло, но все-таки надо сохранять чувство исторической пропорции. Ведь если к такой оценке поэзии прибавить отсутствие перспективы, то, что Николай Иванович не попытался разглядеть живые молодые кадры, которые завтра будут представлять лицо нашей поэзии; если это принять во внимание, получится картина довольно прискорбная и, главное, не соответствующая действительности. Из-за этого ведь и получилось, что центр, вершинное выражение нашей сегодняшней поэзии оказались в именах Б. Л. Пастернака, И. Сельвинского и еще двух-трех поэтов.

При глубочайшем уважении к Пастернаку, как к мастеру и поэту, я

все же вынужден сказать, что для большой группы наших поэтов, для большой группы людей, растущих в нашей литературе, творчество Б. Л. Пастернака — неподходящая точка ориентации в их росте. (Аплодисменты).

Положительное значение доклада ослаблено обходом трудностей, сопровождавших творческое развитие некоторых значительных поэтов, идущих к пролетариату, каждый своим путем.

Мне думается, здесь на с'езде нужно было бы сказать ряду поэтов, что возможности реализации заключающейся в них огромной творческой потенции находятся в прямой зависимости от степени смелости перехода на новую вышку видения мира. И кажется мне, что огромный талант Б. Л. Пастернака развернется по-настоящему только на огромном, богатом и ярком материале нашей революции, ставшем для поэта органически своим материалом. (Аплодисменты).

Это будет тогда, когда Б. Л. Пастернак, до сего времени замаливавший вселенную на очень узкую площадку своей лирической комнаты, сделает обратное движение и, богатый творческим опытом, выйдет в этот просторный мир.

У нас есть группа пролетарских поэтов — плебейская группа, которая пришла изнутри революции, которая в известной мере принадлежит к числу авторов этой самой революции и для которой вопрос о прощании с прошлым, составляющий для многих поэтов из интеллигентской прослойки значительную часть содержания их творчества, никогда не стоял, но и у них были и есть трудности. Нам с первых же шагов пришлось оформлять в художественных образах тот комплекс чувств и настроений, образцов которому мы не могли найти в поэзии прошлого. Ведь индивидуалистическая трагедия Полуярова или Оконного имеет своего предка в лице лермонтовского «Демона», а для наших тем и образов таких предков не существовало, поэтому мы шли и сейчас идем через преодоление бедности средств выражения.

На нашем с'езде получило все права гражданства одно слово, к которому мы еще недавно относились с недоверием или даже враждебностью. Слово это — гуманизм. Рожденное в замечательную эпоху, это слово было запакощено и заслюнявлено тщедушными вырожденцами, ничтожными потомками великих отцов. Они подменили могучее его звучание — человечность — христианским сюсюканьем.

Мы должны были и мы имели историческое право презирать и ненавидеть людей, произносивших это слово, а вот сейчас принимаем это слово в свой обиход.

Некоторым товарищам гуманизм представляется в образе русоволосой девушки в белом платье, шагающей по солнечной напоенной ароматом весеннего цветения земле, девушки в венке из сверкающих метафор, девушки с восторженными глазами, устремленными в Будущее с большой буквы.

Я хочу принять этот красивый образ, но не могу. Что-то восстает у меня внутри против него, что-то заставляет рисовать себе образ нашего гуманизма другим, может быть, более грубым, но в своей грубой плоти более прекрасным.

Я счел нужным говорить на эту тему потому, что практика некоторых наших поэтов и писателей, в особенности молодых, заставляет несколько насторожиться. У нас по праву входят в широкий поэтический обиход понятия любовь, радость, гордость, составляющие содержание гуманизма, но некоторые молодые (да и немолодые иногда) поэты как-то сторонкой обходят четвертую сторону гуманизма, выраженную в суровом и прекрасном понятии ненависть. (ПРОДОЛЖИТ. АПЛОДИСМЕНТЫ).

Хорошо, что наши поэты перестали бояться писать о любимых девушках и о красотах природы. Хорошо, что все успешнее и успешнее доносят они до читателя в поэтических образах эмоции, выражающие радость молодого существа. Но чувство у них в статике, в совершенном виде, а не в динамическом образе, сочетающем в себе усилие свершения с радостью одержанной победы, а ведь только так может создаваться гармонический образ.

Я счел нужным уточнить трактовку содержания гуманизма напоминанием о ненависти еще вот почему.

У нас за последние годы развелось довольно многочисленное племя адептов в культивировании смехотворства и развлекательства во что бы то ни стало. Прискорбным продуктом этой «лимонадной» идеологии я считаю, например, недавно виденную нами картину «Веселые ребята», картину, дающую апофеоз пошлости во имя «рассмешить во что бы то ни стало».

Да, наша молодежь бодра и жизнерадостна. Да, она хочет весело, жить и весело проводить свой досуг, но зачем давать ей пошлость антрактовой клоунады, выдавая ее за юмор? Зачем ей подсовывать розовую лирическую водицу, тепловатую и противную? Зачем оглуплять нашего хорошего и умного читателя? Зачем развращать его молодой художественный вкус?

Наша молодежь выходит на демонстрации с букетами цветов в руках, но за плечом девушки в белом платье, идущей мимо мавзолея, покоится винтовка, и строгая тень штыка падает через плечо вперед на мостовую, указывая линию движения.

Давайте не будем размагничивать молодое красногвардейское сердце нашей хорошей молодежи интимно лирической водой!

Давайте не будем стесняться несмотря на возмущенное бормотанье снобов простой и энергичной поступи походной песни, песни веселой и пафосной, мужественной и строгой.

Будем держать лирический порох сухим! (Продолжительные аплодисменты.)

НАШ ДОЛГ ГРОМАДЕН

РЕЧЬ тов. А. ПРОКОФЬЕВА

— Поговорим о песне. К песне, я считаю, приковано внимание страны. Проверим ряды песенников, поищем запевал. Проверим и увидим: песенников мало, запевал не больше того.

Я не согласен с Н. И. Бухариным, утверждающим, что у Сельвинского прекрасна песня. И с образцами, приведенными в доказательство этого положения, я тоже не согласен.

Нет, песня прекрасна тогда, когда ее поют.

Создание песни — страшно тяжелое дело, и поэта, давшего народу, стране, песню, надо называть очень счастливым человеком.

Но таких счастливых людей среди поэтов прямо-таки малое количество. Для того чтобы их пересчитать, хватит одной руки: Д. Бедный, Асеев и автор песни «По долинам и по взгорьям», — и круг замкнут.

Все мы забываем или не думаем о самой короткой песне — частушке. Все мы забываем о романсе.

А тем временем, как гласят некоторые надписи кинокартин, кто-то более подвижный и не особенно нас любящий создает частушки обратного действия. Я часто хожу по рынкам, по барахолкам. Я останавливаюсь у гармонистов и певцов. Я слушаю их игру и песню. Они (эти песни) сочинены не нами, товарищи поэты, и мотивы к ним — не наши, отсутствующие здесь товарищи композиторы!

Тексты песен, переписанные от руки или гектографированные, продаются там по 50 коп. на выбор. Их быстро раскупают, песня начинает жить.

Кто мне назовет песню (такую, которая поется), сделанную поэтом о походе Красина? А я знаю одну такую, сочиненную безвестным автором, и ее поют. Так же произойдет, наверное, и с челюскинской эпопеей и с другими великими делами нашей страны.

Из всего вышеизложенного явствует одно: я страшно желаю знакомства с баянистом.

Два слова о переводах. Все знают, какое громадное влияние оказал на советских поэтов Киплинг. Влияния этого поэта не избежал в своем «Умка — Белый медведь» и Илья Сельвинский. Его вступление к поэме, несомненно, зависит от «Баллады о трех пиратах» Киплинга. А до сих пор более или менее полной книги стихов Киплинга в переводе не появлялось.

А что мы знаем о французских поэтах, о поэтах союзных республик? Только сейчас нам открыли богатство грузинской поэзии Б. Пастернак и Н. Тихонов.

Еще я хочу сказать, что у многих советских поэтов биографии очень тусклые.

Так многогранна и красочна жизнь нашей страны и так бесцветна и однообразна жизнь поэтов. Не только у чернильниц она должна протекать, человек, не имеющий биографии, должен уметь ее создать. Поводов для этого в нашей стране очень много. От каждого из нас необходимо только рвение к этому крайне полезному для себя делу.

Страна возлагает на нас надежды. Мы должны (здесь я повторяю Тихонова) в напряжении всех своих творческих сил и возможностей оправдать все эти надежды, товарищи поэты! (Аплодисменты.)

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ О СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

И НАД ИСПАНИЕЙ БУДЕТ РЕЯТЬ КРАСНОЕ ЗНАМЯ

РЕЧЬ тов. АЛЬБЕРТИ

— В нашей стране революционные писатели и художники работают в условиях ожесточенных преследований. Наши тюрьмы переполнены рабочими и революционными крестьянами. Наша печать подвергается непрерывным гонениям. Когда мы вырываемся из этой жизни, полной непрерывных тревог и угроз, и попадаем к вам сюда в спокойный мир ваших улиц, единственный в мире, где не чувствуется военного насилия, мы всем сердцем начинаем понимать, до какой степени вы являетесь подлинными строителями новой жизни.

Я считаю излишним говорить вам о тех материальных трудностях, на которые обречен революционный писатель в Испании. Впрочем эти трудности встречают на своем пути даже и те буржуазные писатели, которые стремятся сохранить нейтральную позицию. Для того чтобы пользоваться в Испании хотя бы некоторыми привилегиями, нужно об'явить себя фашистом, аграрием или стопроцентным правительственным человеком.

В нашей буржуазной литературе мы за последнее время отмечаем резкое усиление шовинистических и расовых настроений, к несчастью, особенно сильное среди нашей университетской молодежи. Они призывают к католицизму и империи, все их старания направлены к тому, чтобы оживить мумию Карла V, давно уже истлевшую в холодной усыпальнице Эскуриала.

Именно против этого и восстали мы, революционные испанские писатели и художники. Основанный нами журнал «Октябрь» является органом нашей борьбы и нашего протеста. Журнал этот пользуется чрезвычайной популярностью у трудящихся масс, независимо от их партийной принадлежности. Мы знаем, что рыбаки в Малаге, заканчивая просушку своих сетей, собираются в кружок и один из них читает вслух другим наш революционный журнал. Сплошь и рядом на стенах домов мы видим фотографии, вырезанные из «Октября». Кресть'яне, кончив работу в поле, обсуждают наши поэмы.

Чудесный и богатый испанский фольклор, еще сохранивший в себе свою эпическую силу, живет новой напряженной жизнью. В нем все сильнее звучат голоса протеста против жандармов, против кровавых репрессий. Он до краев насыщен всем тем, что составляет сейчас подлинную жизнь испанского крестьянства. Редакция журнала «Октябрь» непрерывно получает этому доказательства. Во всей Испании налицо признаки, свидетельствующие о появлении в народной среде подлинной пролетарской литературы.

Ряд писателей-профессионалов перешел в революционный лагерь. Хоакин Ардериус, Сесар-Мария Арконада, Мария-Тереза Леон, Рамон-Хозе Сендер, Артуро Серрано-Плаха, Эмилио Прадос и др. романисты и поэты являются основоположениками социальной литературы, почти не имевшей у нас прецедента.

Испания — страна великой литературной и художественной традиции, и мы надеемся, что новое поколение писателей достигнет в скором времени той высоты, на которой стоят наши классики XVII в. У нового поколения писателей есть огромное преимущество перед ними. Он творит именно в тот момент, когда в Испании близок к достижению идеал социальной справедливости.

Товарищи советские писатели, ваше глубокое освоение социальных явлений является высоким примером, вызывающим восхищение у писателей всего мира. Мы в Испании хорошо вас знаем. **(Аплодисменты).** Мы знаем таких поэтов, как Маяковский, Светлов, Асеев, и прозаиков как Горький, Гладков, Фадеев, Шолохов, Федин и др. Эти имена не сходят с книжных выставок наших магазинов, но переводы в большинстве случаев так плохи, что дают только самое слабое представление о красоте подлинника.

Мне очень грустно, что я не могу вас пригласить к себе, чтобы вы сами могли убедиться в красоте нашей страны и в напряженности тех революционных боев, которые мы сейчас ведем, но наша страна стоит в особо тяжелых условиях. Испанская реакция не позволяет это сделать. Совсем на-днях группа фашистов в составе 15 чел., вооруженных револьверами, напала на антивоенную выставку, организованную испанскими революционными художниками.

Но мы твердо знаем, что наступит день—и советская Испания широко раскроет перед вами свои границы. Испанская революция не может не победить. Наступит, повторяю, день, когда вместе с вами мы сможем обойти испанские города и поля, над которыми будет реять красное знамя! **(Аплодисменты).**

РОЖДЕНИЕ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА В ПОЭЗИИ

РЕЧЬ тов: ТИЦИАНА ТАБИДЗЕ

— Молодого человека XIX в. в литературу ввели поэты. Сумрачный Чайльд Гарольд и сентиментальный Вертер до сердца трогали современников, выявляя самые глубокие народные корни породивших их поэтов.

За **Байроном и Гете идут Шатобриан, Мицкевич, Пушкин, Лермонтов, Грибоедов, Бараташвили,** каждый из них приводит молодого человека к своему национальному знаменателю. Евгению Онегину, Печорину, Чацкому предшествовал Чайльд Гарольд как в литературе, так и в жизни. Для того, чтобы выявить молодого разочарованного человека начала прошлого века, **Байрону** нужно было создать особый жанр индивидуалистической поэмы.

Перелом поэтических форм — это такой же революционный переворот. Но революция и в жизни и в поэзии происходит не каждый день. Величайшие мастера символизма Франции и России не могли создать особого вида поэмы, не желая повторить пройденного пути в поэтике, они вовсе отказались от поэмы, предпочитая переводить **Виргилия, Калидаса** и **Руставели**.

XX век своего молодого человека застал стариком. Это поколение, зачатое до войны и революции,—в капиталистической агонии.

Каждый из нас, представителей дооктябрьского поколения, помнит это кладбище поэтов. На этом кладбище поэтов лежат гиганты вроде **Велимира Хлебникова,** поэта, в конечном счете, сошедшего в могилу косноязычия.

Одним из первых, уцелевших от землетрясения, был **Владимир Маяковский.**

История нашего молодого человека начинается с Октября: вместе с комсомольцами историю молодого человека начинает старая гвардия большевиков — людей, не стареющих, горящих в революции людей, прошедших суровую школу гражданской войны, а сейчас ударников на фабриках и заводах и на колхозных полях.

Донбасский шахтер **Изотов,** сменивший на этой трибуне **Максима Горького,** если бы не появился на с'езде, все равно довлел бы над поэтами — безразлично, пишут ли они революционные стихи или нет.

Этот новый Ахилл требует новой песни. Я подчеркиваю — песни.

Наша бурная эпоха не терпит канонизации. Тут не каждый может угнаться за темпами. Сколько было поэтов, признанных ведущими, о которых сегодня никто не помнит. Но все же признанное имя поэта революции остается за **Маяковским,** так же, как непогрешимое имя мастера за **Борисом Пастернаком.** Ведь стоило **М. Горькому** начать дискуссию о языке, как появились трещины там, где их раньше мало кто замечал.

Как мастер стиха и прозы, **Николай Тихонов** равноценен, но для нас он все же в поэзии. И не случайно, что **Алексей Толстой, Илья Эренбург, Мариэтта Шагинян** и **Лариса Рейснер** начали со стихов, прежде чем стать мастерами романа и очерка.

Сколько было писателей, сменивших вехи, сколько написано о колебаниях и пересоздании людей, принявших Октябрь. Но «Двенадцать» и «Скифы» **Блока** до сих пор проносятся перед нами.

Можно спорить о конечной удаче поэтов, можно спорить об охвате темы, но первые шифры даны ими, и величайшие фигуры **Ленина** и **Сталина** звучат пока только в поэзии. А как может быть отражен новый человек без них?

Поэзия — самая простая и в то же время самая утонченная форма литературы. Для народов, только что начавших свою литературу, она проявляется в особых формах, тогда как народы с тысячелетней поэтической культурой на реформу стиха идут с медлительностью почти геологического процесса. Советскому читателю мало что известно о грузинской поэзии, тогда как история грузинской поэзии во многом оказалась бы поучительной.

Говорят, что рождение гения — это не обязанность, а счастье народа. В таком случае Грузия счастливая страна. Назову несколько имен: **Руставели, Гурамишвили, Важа Пшавела, Царевича Иоанна и Саба Сулхана Орбельяни.**

Не нужно быть искусным диалектиком, чтобы понять, что нельзя было представить **Руставели** без подготовительного периода в поэзии, и что безымянные и неизвестные поэты до XII века создали ту культуру стиха, что завершил **Руставели** своим великим творением «Носящий барсову шкуру».

За **Руставели** следует **Давид Гурамишвили,** оставивший большое завещание «Давитиани», в котором он как великий флорентиец оплакал горькую долю одинокого, покинутого и обреченного на скитание в чужих краях человека.

Важа Пшавела — поэт необычайной силы и предвидения, который воспел суровую природу горцев и героическое прошлое Грузии, поэзия которого похожа на разрыдавшиеся горы.

Хорошо иметь великое прошлое, но древнейшая культура не всегда спасает народ. Бывало, что на фоне блестящей старой культуры еще сильнее обнажалось национальное вырождение, и в этом случае Грузия — исключение. Ее культура, несмотря на катастрофические зигзаги истории, непрерывна.

После советизации особенно чувствуется бурный расцвет. Взять хотя бы для примера: в одной Грузии сейчас больше издается книг, чем во всех государствах Ближнего Востока. То же самое можно сказать о грузинском советском театре. Гастроли театра **Марджанова,** особенно театра **Руставели,** руководимого режиссером **Сандро Ахметели,** даже в Москве вызвали восхищение и прошли с огромным успехом.

В советской Грузии есть поэты, которые могли бы занять места наряду с лучшими мастерами русской поэзии. Но если до сих пор наши поэты неизвестны Советскому Союзу, то это заслуга тех, которые усердно охраняли лимиты переводов.

Разве не позор, что мы, поэты народов Союза — Украины, Белоруссии, Армении, Средней Азии,— так мало знаем друг друга?

Несколько слов о взаимоотношениях русской поэзии с Грузией. **Кнут Гамсун** в «Путешествии в сказочную страну» пишет: «Русские императоры имели варварский обычай своих лучших поэтов посылать в ссылку на Кавказ. Но Кавказ вместо ссылки для них превращался в источник вдохновения». Так величайшие русские имена **Пушкина, Лермонтова, Льва Толстого, А. Грибоедова, А. Марлинского** и **Алексея Максимовича Горького навсегда связаны с Грузией.**

Первое замечательное стихотворение **Бориса Пастернака** «Демон» и последний цикл его стихов «Волны», «Клятва в тумане» и баллады **Тихонова** сделаны на грузинском материале. Ездившая в Грузию по инициативе **Алексея Максимовича Горького** бригада русских писателей в составе **П. Павленко, Ю. Тынянова, О. Форш, Б. Пастернака, Н. Тихонова, В. Гольцова** отлично там поработала.

Товарищи, когда наша делегация грузинских писателей заседает тут на с'езде, ЦК компартии Грузии принял постановление провести в 1937 г. в Грузии всенародный юбилей **Руставели** и поставить ему памятник.

Таким образом в 1937 г. будут отпразднованы во всем Союзе 700-летие **Руставели** и 100-летие со дня смерти **Пушкина,** как бы символизируя братство гениев, выразивших возможности своих народов. **(Аплодисменты).**

СМЕЛЕЕ ЗАГЛЯДЫВАТЬ В НАШЕ БУДУЩЕЕ

РЕЧЬ тов. И. ХАРИКА

— В 1926 г. видный еврейский националистический писатель Америки писал о нас следующее: «Еврейская советская поэзия живет под холодной серебряной луной, она чувствует себя одинокой и растерянной».

Уже тогда эти умозаключения вызвали в наших рядах смех. Говорить о доподлинном развитии еврейской поэзии — это значит говорить о еврейской **советской** поэзии, о еврейской поэзии Советского союза. Эту поэзию творит здоровое послеоктябрьское поколение, которому дано петь во весь голос, любить и ненавидеть.

Такие поэты, как Фефер, Маркиш, Квитко, Кульбак, свидетельствуют о большом росте еврейской поэзии. Бесспорен идейный творческий рост таких лириков, как Галкин, Росин, Аксельрод и Каменецкий.

Несколько лет назад приехал к нам еврейский буржуазный писатель Шолом Аш, автор повести «Местечко». Он всю жизнь изображает местечко как сплошную субботу. Весь мир он окутывает в синагогальный талес.

Чего он искал у нас? Его интересовало: полна ли синагога молящимися, благополучно ли развиваются воспетые им богачи, добросовестно ли изучают еврейские дети талмуд и самобытно ли местечко.

Уехал он сильно разочарованный. Он не нашел того, что искал, ибо национально-стилизованное местечко Аша и наше реальное местечко, включенное в социалистическую стройку и отображенное в нашей литературе, это два мира. Умерла старая одинокая провинция и вместе с ней скорбная муза еврейских Рейзинов и Эйгорнов, исчез старый быт и вместе с ним старая слезливая печаль.

Ведь только в нашей стране, где Пушкина читают даже на льдине, где Маяковского читают на площадях, только у нас могла развиться многоязычная единая талантливая советская поэзия.

Когда стихи белорусского поэта Александровича или стихи еврейского поэта Фефера проникают даже к нашим товарищам, сидящим в казематах не столь отдаленых стран, то это ведь победа всей советской поэзии. Такую поэзию нельзя измерять формалистическими побрякушками. Мы ни в коем случае не должны отказаться от дальнейших формальных исканий, но оригинальные ассонансы и головоломные, надуманные образы еще не спасают от эпигонства и не являются новаторством.

Мало быть поэтом талантливых строк или строф, надо еще быть поэтом талантливых цельных композиционно-стройных революционных стихов. Как часто стихотворение состоит из очень образных строф, а в целом это стихотворение малообразно, безобразно и часто даже безобразно!

Всем нам, например, хорошо запомнилось стихотворение Николая Дементьева «Мать» или некоторые стихи Гусева и Голодного. Еще поныне свежо звучат такие стихи, как «Гренада» Светлова, «Баллада о гвоздях» Н. Тихонова, «Песня о шапке» Безыменского, «На Майдане» Тычины, «Минеральные воды» Бровки, «Восстание» Шварцмана. Это об'ясняется тем, что в них чувствуется новый подход к теме, цельная композиция и оригинальный подход к нашей революционной действительности. Такие стихи не распадаются на отдельные удачные строчки.

Мы все любим и ценим великое наследие Маяковского, но не угрожает ли, скажем, тому же самому поэту Кирсанову опасность внешнего наследования Маяковскому? «Во весь голос» — это ведь не значит надрывать голос, «Бенгальский огонь» еще не является огнем наших сражений. Держать в руках картон и глобус и водить по нем пальцем — это еще не значит видеть земной шар или хотя бы одну шестую его. Очень много бедных родственников появилось у великого Маяковского. Взять хотя бы поэму Кирсанова «Пятилетка». Она полностью совпадает с планом Госплана, но в то время как за планом Госплана стоит наша глубокая реальная действительность, в этой поэме мы прежде всего ощущаем хорошее знание учебника географии.

Очень жаль, что т. Бухарин не затронул в своем докладе литератур народов СССР: это во многом бы обогатило его доклад. Взять хотя бы вопрос дальнейшего развития поэмы, который многих из нас сильно интересует. Этот вопрос не затронут т. Бухариным, а между тем поэзия народов СССР имеет уже богатый опыт побед и поражений. Спор Эренбурга и Ясенского о сюжетности и занимательности прозы актуален также и для нас, поэтов. Неправы те товарищи, которые умаляют значение сюжета. Не только поэма, но и даже лирика стремится к сюжетности, сюжет — это не пустяковое дело. Развернуть цельный сюжет в поэме и при этом не скатиться к холодным рифмованным строчкам или к простому подражанию Пушкину — трудная и не вполне еще разработанная задача.

Такие интересные поэмы еврейской советской поэзии, как «Пласты», «Братья» Маркиша, «Чайльд Гарольд из Дисны» Кульбака тоже не отличаются стройным сюжетом и занимательностью, они многоплановы.

Наша жизнь ведет нас к большим масштабам, и мы еще активнее должны включиться в наше великое настоящее лучшее, изучить прошлое и смелее заглянуть в наше будущее — в близкое бесклассовое социалистическое общество. **(Аплодисменты).**

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДАМ О СОВЕТСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

ПУТЬ НАИБОЛЬШЕГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

РЕЧЬ тов. БИЛЛЬ-БЕЛОЦЕРКОВСКОГО

— Вокруг формы у нас бесконечно идут дискуссии и споры — нужна ли форма классической драмы, необходим ли сюжет — стержень для пьесы? Споры эти слишком затянулись, потому что каждая сторона стремится буквально узаконить свое понимание формы. В свое время я тоже возражал против формы классической драмы, но опыт последних лет доказал мне, что форма бессюжетности, отсутствие интриги и единого стержня, имеет свое оправдание в пьесах, отображающих эпоху гражданской войны, когда образ нового человека только едва-едва намечался. Теперь же, когда мы имеем созревший и полнокровный образ нового человека, теперь для показа его внутреннего мира необходим путь освоения и использования формы классической драмы как средство наибольшей выразительности и органичности. Это путь наибольшего сопротивления, это значительно сложнее и труднее, чем продолжать традиции первого периода гражданской войны.

Несомненно, темы нашей жизни, содержание пьес откроют совершенно новые формы. Но для этого нужно в совершенстве знать формы классической драмы. Узаконение той или иной точки зрения на форму бесполезно и даже вредно. Это отвлекает нашу литературную молодежь от учебы, сбивает ее с толку и направляет ее работу по линии наименьшего сопротивления.

Вопрос формы важен и серьезен, но значительно серьезнее вопрос содержания, темы. Тема является первым и основным условием в работе драматурга. Тема наша — это не узкое понятие о теме, не просто тема— это наша жизнь. Любой уголок Советского союза насыщен необычайной жизнью, жизнью, которая, по существу своему, может служить материалом для мировой темы. К сожалению, все мы еще не знаем по-настоящему этой темы. Мы читаем, мы слышим, мы видим жизнь, но мы мало ее изучаем и недостаточно знаем. Мы не знаем не только жизнь окраин нашей страны, но даже окраин и новостроек Москвы. Бесспорно, мы представляем себе нашу страну. Но для художника представлять — это далеко не то, что видеть, ощущать, переживать.

Я лично испытал на себе эту разницу, когда вместе с бригадой писателей побывал в Туркмении, в далеких песках Кара-Кума. Раньше, до революции я бывал во всех частях света, бывал в колониях вместе с неграми, индусами, китайцами и малайцами работал в городах и портах. Там я тоже наблюдал, ощущал и переживал, но переживал, как раб в стране рабов.

Здесь же, в советской Туркмении, я испытал чувство свободы. Я видел огромную страсть и порыв к новой жизни. Даже в области театра. Женщины туркменки, не имевшие ранее никакого представления о театре, в жестокой борьбе с предрассудками, подвергаясь подчас физическому насилию со стороны мужчин, завоевывают себе право не только посещать театр, но и играть на сцене.

Туркменский театр, рожденный революцией, не знающий традиций и закулисной жизни буржуазного театра, по своей свежести и страсти представляет прекраснейший творческий организм.

Туркменский народ, освобожденный Октябрьской революцией из-под двойного гнета царской России и феодалов, превращает бывшую колонию в социалистический край.

Что, казалось, могла дать нам Каракумская пустыня с небольшими оазисами жизни? — Она дала нам, 19-ти писателям, 19 разнообразнейших тем. Если бы нас было еще столько же, хватило бы всем.

А ведь речь идет не только о Туркмении, а об одной шестой мира. Недаром Алексей Максимович говорит, что слишком мало нас, писателей, чтобы охватить нашу страну, нашу тему. Особенность нашей темы не только в охвате нашей жизни. Главное — в ее целеустремленности. Тот писатель, который не понимает и не имеет этой темы, в наших условиях остается нищим. Если для зарубежных революционных писателей наша действительность есть только перспектива, то для нас, советских писателей, перспектива — это уже бесклассовое общество, коммунизм. **(Аплодисменты).**

БОЛЬШЕ ИСКАНИЙ

РЕЧЬ тов. ЩУПАКА

— Признанных драматургов у нас меньше, чем признанных прозаиков и поэтов. Признанных драматических произведений — еще меньше.

Сравните количество пьес, появившихся на сцене за последний театральный сезон, и количество других литературных произведений. Присмотритесь к новым афишам, развешанным в Москве, и вас поразит относительное изобилие классических постановок и относительно малое число новых пьес.

Правда, на Украине в драматургии последних лет происходят более высокие качественные явления, чем в прозе. Заметен и количественный рост, но удельный вес драматургии соотносительно с прозой и поэзией небольшой.

Причина заключается в том, что театральная форма изображения нового человека более сложна, чем форма эпическая или даже лирическая.

Говоря о состоянии современной драматургии, мы должны применить к ней ее собственный критерий. Только тогда мы поймем, как далеко пошла наша драматургия вперед.

Самый большой революционизирующий фактор в нашем театре—это **новый персонаж.** Само появление этого персонажа означало революцию в театре. Ведь в старой драме не было настоящего места для представителей трудящихся. Рабочие и крестьяне даже в наиболее радикальных произведениях были только об'ектом гуманистического сочувствия, но не суб'ектом, который сам распоряжается своей судьбой. Рабочие и крестьяне как сознательные творцы своей судьбы впервые выступили только в советской литературе, в том числе и в нашей драме.

Новый персонаж и его отношения к обществу — вот что определяет революционное развитие идейного содержания и формы нашего театра. Мера освоения режиссером, драматургом и актером нового человека, типичных индивидуальных черт его характера определяет меру роста идейной глубины и художественного разнообразия театра.

До недавнего времени драматург оказывался способным открывать в человеке одну только линию, линию классового поведения, линию, определяющую основную его классовую позицию. Все остальные моменты поведения схематически выводились из этой классовой позиции. Таким образом, перед нами выступала только основная социальная окраска персонажа, а все прочие краски и цвета, из которых складывается сложный человеческий характер, никогда не представали перед нашим взором.

В этом ограниченном изображении человека надо искать причину того, почему наша драма была хроникальной, описательной, почему ей нехватало проблемности и почему она пользовалась ограниченным числом жанров.

И то обстоятельство, что ныне драматургия переходит от описательной драмы к проблемной, от одного жанра к различным жанрам, свидетельствует, в первую очередь, о более глубоком познании современного человека, о стремлении отразить не только то чувство, которое характеризует центральную политическую линию, но то разнообразие чувств и страстей, которое отличает героя нашей страны.

Такие пьесы, как «Чудесный сплав» Киршона, «Девушки нашей страны», а также «Птицы и насекомые» Микитенко, «Гибель эскадры» Корнейчука, «Часовщик и курица» Кочерги, «Мой друг» Погодина, «Варфламова ночь» Первомайского, под разными углами зрения открывают **новую полосу** развития советского театра. Эта полоса не кладет, конечно, резкой грани предыдущему этапу, — наоборот, она подготовлена всем предыдущим развитием, — однако вносит такие новые изменения, которые дают право говорить о новом качестве в развитии нашей драматургии.

Иные критики видят основной недостаток нашей драматургии в том, что драматурги сосредоточивают свое внимание на среднем человеке, а не на герое. Задачи драматургии определяются интересами нашей революционной действительности, а в нашей действительности нет среднего человека. Каждый человек нашей страны может стать героем.

Задача заключается в том, чтобы отобразить новые качества любого человека, ибо в них заложена действенная энергия, выражающаяся в будничных и чрезвычайно героических делах. Надо только помнить, что следует показывать героя не только таким, как он есть, надо его показывать еще таким, каким он может и должен быть. Иными словами, поддерживая положение т. Киршона о том, что сценический персонаж должен иметь прошлое, которое зритель выводит из его настоящего, надо добавить: **сценический персонаж должен иметь и будущее.** В этом смысле **я условно за незаконченную пьесу.** Без показа нового, социального коллектива, который взращивает великих героев, питает их подвиги, разрешить задачу индивидуального сценического характера невозможно.

Вот почему так важны искания в области сюжета драмы, ибо от сюжета зависит правдивое отображение и развитие характера, типа, причины и закономерности его поведения и взаимоотношения с обществом.

Иные люди под предлогом новаторства подсовывают нам идею бессюжетности. Мы, однако, помним, что распад сюжета был характерен для драматургии эпохи упадка. Зато в полнокровных произведениях мировой драматургии Шекспира, Шиллера есть сюжет.

На пути эпического театра мы не сможем разрешить большие современные задачи драматургии. Путь эпической драматургии Брехта не есть путь большого действенного театра. Точно так же очерковая пьеса, которую в некоторой степени отстаивает Погодин, будет стеснять развитие театра большого действия, но и не прав Киршон, когда заявляет, что главное — это новые люди, новые отношения, а новая форма сама придет. Беззаботность в отношении формы меньше всего уместна в настоящее время.

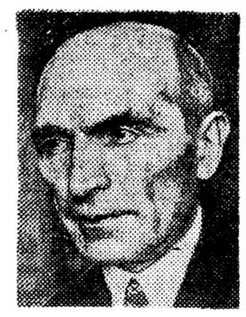
Как же можно говорить о второстепенности формы, когда все нити драматургической технологии стягиваются к центру драмы — человеку, непосредственно отражаясь на его судьбе? Нет таких формальных приемов в драме, которые не отнимали бы или не прибавляли что-нибудь к персонажу. Нет чистой самой по себе формы, в которой не разрешался бы вопрос содержания.

Драматургии нашей нехватает умения разворачивать большие мысли, страсти и чувства нового человека. Для того, чтобы овладеть этой формой, нужно ставить перед собой большие задачи и в области содержания и в области формы.

Больше смелых и решительных исканий! Больше дерзаний!.. Этого жаждет многомиллионная масса театральных зрителей нашей великой страны. **(Аплодисменты.)**

БЫТЬ БЛИЗКИМ НАРОДНЫМ МАССАМ

РЕЧЬ тов. ДЕМИРЧАНА



— Перед нами два времени—злободневное наше «сегодня» и долговечная эпоха социализма.

Надо в злободневном осколке найти изображение целой эпохи. Здесь разрешение вопроса о «злободневности» и «долговечности». Надо прежде всего вникнуть в суть нашей эпохи и нашей действительности. Писатель должен глубоко смотреть на свою злободневность. Наши будни — это скрытая героика. Наши герои сами часто не знают, что они герои. Покажите это! Геройство — вот советская злободневность. И очень короткий рассказ может стать осколком целого, монументального, потому что этот осколок тоже монументален. Тут ни об'ем, ни тематика, ни форма не спасут. Надо постигнуть смысл, значение нашей эпохи.

Несколько слов о «драматизации драмы и ее героев». Чего мы собственно ждем от драматургии? Вот вы пришли в театр, и вы ожидаете радость художественных переживаний. Увы! Из-за кулис видно: вы сидите в зале, читаете газету. Вы невозмутимы, вы спокойны! Герой ваш (вы заранее уверены) победит. Он побеждает уже в начале пьесы, побеждает в середине пьесы, побеждает, как полагается, в конце пьесы. Никаких неожиданностей, никаких опасений, никаких трудностей. Как волновать вас? Волновать невозможно, не подвергнув опасности драматическое положение. А ведь надо было бы немножко толкать вас в сторону пропасти, конечно, удержав вас от падения, дать вам пережить несколько жутких минут.

Будьте спокойны, товарищи! Не об американских трюках мечтает наш драматург, но он хочет вывести вас из вашего беспечного, безучастного спокойствия в театре. Это неимоверно трудная и ответственная задача. Это игра с опасностью творческого дела. Не всякому удастся это, и если кое-кому не под силу сделать это, то пусть он лучше своевременно откажется от этого. Это дерзновение, это подвиг советского драматурга.

С другой стороны, ясно, что драму нельзя превратить в цепь безразличных картин. Драма должна жить, волновать. «Драматизация драмы и ее героев» стоит в порядке дня советской драматургии.

Но каким образом драматизировать драму и ее героев? Путь становления героев диалектичен, здесь задача драматурга—искать и открыть искусство единства противоречий и показать картину этого становления.

Никакие искания новых форм, нового жанра и архитектоники не дадут эффективного результата, если эти искания не вытекают из основной постановки драматических вопросов.

Вопрос новой формы — это вопрос внутренней формы, это новое мировоззрение, новая целеустремленность.

Отрыв литературы и культуры от масс и уход в затхлый воздух салонов превратил искусство и литературу в самодовлеющую забаву. Народное творчество было в загоне вместе с народом. Искусство заперлось в комнатное уединение от народных масс. Это культура эпохи вырождающейся буржуазии. Народное творчество, фольклор народных масс созданы и питались духом и образами Гомера, Софокла, Шекспира, Гете, Пушкина. Это народ был творцом гениальных художественных образцов. Великие гении всегда были близки народному творчеству. Но за классиками, сыновьями восходящих эпох, последовало новое поколение, оторванное от народных масс, которое и создало мелкое искусство упадочничества.

Вот почему, критически используя наследие прошлого, мы хотим учиться у классиков. Учиться у классиков — это значит быть близким народным массам. Обязанность советской драматургии заключается в том, чтобы быть так близкой к пролетарским массам, как некогда были близки классики к своему народу.

Ответственный редактор А. А. БОЛОТНИКОВ.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, телеф. 69-61 и 4-34-60.

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-54-69.

Уполн. Главлита В—91231.

Типография газеты «За Индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.